

АНЖЕЛЬ И КУАТЬЭ

ЯБЛОКО ЕВЫ

Анхель де Куатьэ нарушил обет молчания! Чтобы рассказать нам о том, как это — «быть собой»...

У каждого человека есть свой ангел. И этот ангел — его бессмертная душа. Но мы совершенно не знаем, не любим и не ценим своего ангела. Мы не умеем беречь свою душу.

Когда Ева оказалась на краю жизни, когда боль разорвала ей сердце, когда жизнь повернулась к ней темной стороной, она обратилась к Богу. И испытала восторг! Она была счастлива! Только вот... она предала своего ангела.

И потому увидела все лики любви, которые только может познать человек. Бог мстит за предательство...

Пройти через Тьму, чтобы увидеть Свет... Для кого ты хранишь свое Яблоко?..

Сайт, посвященный Анхелю де Куатьэ www.kuate.ru

Анхель Де Куатьэ

Яблоко Евы

Анхель де Куатьэ нарушил обет молчания! Чтобы рассказать нам о том, как это — «быть собой»...

У каждого человека есть свой ангел. И этот ангел — его бессмертная душа. Но мы совершенно не знаем, не любим и не ценим своего ангела. Мы не умеем беречь свою душу.

Когда Ева оказалась на краю жизни, когда боль разорвала ей сердце, когда жизнь повернулась к ней темной стороной, она обратилась к Богу. И испытала восторг! Она была счастлива! Только вот... она предала своего ангела.

И потому увидела все лики любви, которые только может познать человек. Бог мстит за предательство...

Пройти через Тьму, чтобы увидеть Свет... Для кого ты хранишь свое Яблоко?..

Сайт, посвященный Анхелю де Куатьэ www.kuate.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то очень давно, еще в раннем детстве, я узнал о том, что моряки, терпящие бедствие в море, передают сигнал «SOS» — Save Our Souls, спасите наши души. Я удивился — почему они просят спасти души, а не жизни? Разве душа смертна? — думал я. Смертность души... Какое-то предельно неправильное, ошибочное сочетание слов. Да, смерть — это неотъемлемая часть жизни. Да, она неизбежна. Да, все мы умрем. Но душа?.. Разве она может умереть? Почему люди вообще подвергли сомнению бессмертие души?

Долгие годы я возвращался к этому вопросу. Не специально, но возвращался. Я даже не пытался на него ответить, просто чувствовал какую-то неловкость. Но потом, вдруг, понял, что у этого странного феномена особая природа. Есть причины, почему мы сомневаемся в бессмертии нашей души. Какие?.. Когда я стал размышлять об этом, то ответ, который я получил, поверг меня в самое настоящее оцепенение. Понимаю, что не многие смогут сразу это принять. Возможно, мой вывод кого-то шокирует. Кто-то открыто не согласится. Но все же я должен сказать об этом...

Человек хочет убить свою душу — в этом все дело.

Абсурдное, парадоксальное, нелепое, немыслимое предположение... Кажется, что этого просто не может быть. Бред сумасшедшего! Но все это только на первый взгляд. И это нормальная *первая* реакция. Кто признается себе в том, что мечтает о том дне, когда, наконец, его душа оставит его в покое? Никто. Но если задуматься, если хотя бы на мгновение допустить, что такое возможно и люди, действительно, хотят расквитаться с собственной душой, то все тут же становится на свои места. Все те вещи, которые обычно ставят нас в тупик и вызывают недоумение, находят свое объяснение.

Просто нужно иметь мужество. Мужество сомневаться в том, что наши представления о мире верны. Мужество допустить то, что наши представления о самих себе ложны. Мужество признаться себе в том, что мы не знаем ответов на все вопросы и более того — многие из этих вопросов пока даже правильно не поставлены. Сократ шутил: «Я знаю то, что я ничего не знаю». Это мужество, известное Сократу, жившему две с половиной тысячи лет назад, совершенно незнакомо современному человеку, который пребывает в тотальной иллюзии, что мир ему понятен, понятен он сам и его поведение. Это не так.

Давайте попробуем исходить в своих рассуждениях из предположения, что человек, на самом деле, тяготится своей душой, что она ему мешает и он подумывает о том, как освободить себя от этого тяжелого бремени. Как было бы, если бы это было так... Я понимаю, что само это мое предположение покажется кому-то кощунственным. Но если нас интересует истина, можем ли мы позволить себе поддаться собственной растерянности и пойдем ли на поводу у своего страха? К сожалению, можем. Более того, именно так и поступаем. Но ближе ли становится к нам истина? Нет, конечно. А вот иллюзии...

В какой мир попадает душа, обретая тело, вселяясь в телесную оболочку конкретного человека? Назвать этот мир добрым, счастливым, беззаботным, полным Света и Красоты... Сложно. Нет, он трудный, часто жестокий, полный испытаний, боли, отчаяния и душевной муки. Не будем лукавить с самими собой: будь этот мир каким-то другим, он мог бы быть гораздо, гораздо лучше. Но если душа бессмертна, если она не рождается и не умирает, значит, ей известны и другие миры. А коли так, то, по всей видимости, сравнение с этими другими мирами оказывается не в пользу нашего.

У Федора Достоевского где-то есть такая фраза, кажется, в романе «Братья Карамазовы»:

«Я не в Бога не верую, я мира Его не принимаю!» Так, вероятно, могла бы сказать душа, если бы умела говорить, если бы мы могли ее слышать. Мир божественный, которому она принадлежит своей сущностью, — прямая противоположность нашему — земному — миру. Ее страдания понятны и оправданны. Она не принимает земной мир. Она тяготится его несправедливостью, сопоставляя ее с правотой того мира, в котором она некогда была счастлива. Душа сравнивает Небо и землю. Сравнивает и приходит в ужас, страдает.

Теперь вспомним о нашем «безумном» предположении... Если бы человек мог убить свою душу, разве бы он не почувствовал себя лучше в этом, земном, мире? Конечно, почувствовал бы! Ведь жизнь его превратилась бы в бесконечные плотские удовольствия, нехитрые радости от удовлетворения нехитрых потребностей. И никаких мук совести! Никакого ощущения, что ты делаешь что-то неправильно, что есть что-то иное, куда более важное, от чего ты отказываешься. Напротив, этой своей свободой от Высшего он был бы очень счастлив! Ведь это беспокойная душа, мечтающая о Красоте, не дает ему тупо наслаждаться удовольствиями. Она знает, что это не главное. Совсем не главное...

Таков, мне кажется, тот самый *первородный грех* человечества, о котором так часто и так настойчиво говорят священнослужители. Тело стало для души самым настоящим испытанием. Когда Бог вдохнул душу в частицу земной плоти, Он не пытался облагородить плоть. Нет, это не тело, а душа получила возможность, шанс стать лучше. Ей дали плоть, которая всегда ищет удовольствий, которая, как говорил Зигмунд Фрейд, живет по принципу удовольствия. А сама душа живет по принципу Красоты, нуждается в Красоте. И возникает конфликт: тело ищет удовольствий, душа — Красоты, и одно слишком сильно отличается от другого. Слишком сильно.

Чтобы развить мускул, вы должны регулярно его напрягать. Чтобы добиться мастерства в каком-то деле, вам необходимы постоянные тренировки. Чтобы душа, привыкшая к Красоте божественного мира, осознала ее подлинную сущность, Бог мешает ее с плевелами иллюзорной, мирской красоты.

Вечная, ужасная, изнуряющая дилемма — неуловимый дух или плотские утехи? Все путается: человек начинает принимать страсть за любовь, любовь — за слабость, слабость — за добродетель, добродетель — за любовь. И так далее, по кругу, одно за другим. Бесконечное, бессмысленное движение от одного фантома к другому. Пока, наконец, загнанный, уставший, измученный человек не обнаруживает этого странного, парадоксального, нелепого, но в чем-то очень логичного решения: не будь у него души, он был бы абсолютно счастлив тем, что имеет.

* * *

Вы никогда не задумывались над тем, почему, когда человек получает то, чего он страстно желал, он не испытывает настоящей радости. Разве только на какое-то короткое мгновение — «Ура!», и дальше — пустота. Ответ прост: душа тут же напоминает ему: удовольствие, удовлетворение — это совсем не то, что ты хочешь на самом деле. Главное, по-настоящему ценное, истинное — это Красота.

Но где в нашем мире найдешь Красоту? Ведь истинная Красота — это вовсе не красота художественных творений и даже не красота природы. Подлинная Красота лежит за гранью видимого, она как обратная сторона существующего, она всегда внутри. Как ни поверни, она всегда будет там, с той стороны, по ту сторону.

Как увидеть эту Красоту? Как ее понять? Как, наконец, жить, понимая, что она тебе

необходима, но при этом ты не знаешь, какова она на самом деле? Нельзя искать то, о чем у тебя нет ни малейшего представления, лишь некий остаточный след от напрочь забытого сновидения. Что-то было... Но что?! Мы ищем не просто кошку в темной комнате, мы ищем то, чего в этой комнате нет и, в принципе, не может быть. Но мы ищем, потому что это искомое — мы сами...

В нас есть интуитивное ощущение Красоты, данное нам Свыше, данное нам еще прежде рождения. Красоты иной, необъяснимой. А есть этот мир и мы, не понимающие, что ищем *ту* Красоту, которой здесь просто не может быть, которая есть в нас, но в которую мы не верим, потому что не понимаем. И этот поиск, заранее обреченный на неудачу, — наша жизнь. А потому всегда есть выбор: или прекратить бесплодные поиски, чтобы не страдать и не мучиться, или все-таки продолжать, понимая, что эта затея обречена на неудачу.

Так в нас возникает желание убить свою душу. Это решение... Безумное, но при этом предельно логичное: если нечто нельзя найти, надо отказаться от поисков, если что-то мешает отказаться от этих поисков, надо устранить то, что этого поиска требует. И люди отказываются. Конечно, большинство — не потому, что много об этом думали и приняли такое решение сознательно, взвесили все «за» и «против», а затем решили. Нет, они отказываются от своей души «по умолчанию». Как? Очень просто: убивают время.

Для того чтобы думать о том, что важно, для того чтобы совершать внутреннюю работу, нужно время. Много времени... И не урывками, а в его длительности, непрерывности. Почему монахи уходят в свои отдаленные скиты, поднимаются на недоступные горы? Зачем?.. Просто для целей физического оздоровления? Нет, они уходят, чтобы иметь возможность сосредоточиться на своем внутреннем поиске, на этой работе. Уходят от мира, чтобы обрести Мир.

Внутренняя сосредоточенность, духовная концентрация — все это требует колоссального, протяженного времени. А если его нет, то этот внутренний поиск становится невозможным. И вопрос снимается. У человека в современном мире нет времени даже задуматься о том, что у него нет времени. Он постоянно занят. Он никогда не находится в тишине (разве что когда спит). Он почти не бывает один. Он — гончая, которая сама превратилась в загнанного зверя.

Поэтому, если у человека возникает потребность освободить себя от бессмысленных поисков смысла жизни, то эта проблема решается элементарно. Все, действительно, необыкновенно просто: ты занимаешь каждую минуту своего времени чем-нибудь. И неважно, чем именно: работой или учебой, встречами или разговорами по телефону, непосредственным общением или жизнью в Сети. А есть еще телевизор, музыка, кино, журналы — тысячи вариантов суррогатного общения. Не надо питать иллюзий: нам может казаться, что во всем этом есть какой-то смысл, но это только так кажется.

И неважно, чем ты убьешь время. Важно, на что ты его потратишь — на себя или на то, что вокруг? На то, что вокруг, время тратить куда легче. Если мы смотрим «медленный» фильм, нам становится скучно. Почему? Потому что мы привыкли к смене «картинок». Во внешнем мире картинки меняются постоянно, с бешеной скоростью. А внутри, в нашей душе, картинки не меняются вовсе. Их там просто нет. Там пространство, по которому нужно идти и идти, даже если ты не рассчитываешь ни на какой результат. Просто идти, потому что так надо...

Мы создали время гигантских скоростей, чтобы не дать своей душе опомниться. Мы создали время, в котором остались одни эмоции, но больше нет души. Люди встречаются и расстаются, ссорятся и мирятся, сходятся и расходятся — везде есть эмоции. Но есть ли проникновение в суть? Есть ли духовная встреча друг с другом? Нет, в лучшем случае — симпатия, доброжелательное и заинтересованное отношение. И все. А дальше одиночество, к которому, кажется, мы все уже стали привыкать. Вокруг нас люди, но, на самом деле, мы совершенно одиноки.

Это элементарное правило: отказываясь от себя, человек отказывается от тех, кто рядом. А мы отказываемся от себя — это правда, в которой нужно себе признаться. Мы отказываемся от себя в пользу удовлетворения своих нужд и потребностей. И тут дело вовсе не в одной только физиологии. Есть еще потребность в информации, в новых переживаниях, в новых людях, в новых идеях, делах и так далее. Это тоже потребность тела. Душа же нуждается не в новом, она нуждается в настоящем. А настоящее никогда не открывается сразу и всегда дается с трудом и болью.

Душа — в сущности, пустая безделушка. От нее нет никакой пользы, одни накладные расходы... А еще ей нужно много неспешного времени, которого никогда нет. Ведь даже если мы ничем не заняты, мы думаем не о том, что внутри, а о том, чем бы нам хотелось или нужно было заняться. Душа принадлежит вечности, тогда как наши занятия — проходящему миру.

И ужас в том, что человечество, кажется, уже сделало свой выбор — выбрало проходящий мир и его занятия. Даже то, что мы называем «душевной работой», превратилось у нас в еще одно занятие проходящего мира. Иначе, почему мы не можем ответить на вопрос — зачем она нужна, эта самая *душевная работа*?.. Когда я писал прежние свои книги, я пытался говорить именно об этом.

Мне хотелось рассказать о том пути, на котором человеку открывается сущность Света. Потом я пытался рассказать моим читателям о тех препятствиях, с которыми нам неизбежно придется столкнуться, когда мы попытаемся открыть этот скрытый в нас Свет. Мне казался важным сам этот разговор — от сердца к сердцу. Я рассказывал о том, что чувствовал, что переживал тогда, в тот момент.

Но время идет, и ты начинаешь понимать то, чего прежде не замечал, о чем прежде не задумывался, от чего открещивался. Да, хорошо знать Путь. Да, хорошо знать, какие препятствия ждут тебя на этом Пути и как их преодолеть. Но... Но кто идет по этой дороге? Да, как оказалось, я говорил обо всем, только не о том, о чем следовало. А нам нужно было говорить о том, кто идет по этому Пути. О нас самих...

И я понял, что должен написать о том, что значит «быть собой». Но в ту же секунду осознал, что мне придется писать о вымирающем виде. Ведь всем нам давно пора кричать — «Save Our Souls!» Спасите наши души — три слова, которые, как мне кажется, человечеству уже, наконец, нужно выкрикнуть и услышать. Мы потеряли способность «быть собой», потому что заложили в ломбард собственные души.

Иметь душу — это слишком утомительно, слишком накладно. Нам хочется простых инструкций и ясных ответов. Как бы мы обрадовались, обнаружив на полке книжного магазина книжку с названием — «Три способа обретения Света». Лишенные души, отказавшиеся от нее, мы начинаем верить в то, что простые решения существуют. Душа воспротивилась бы самой идее такой книги! А мы... Мы бы обрадовались и побежали к кассе.

Наши души потерялись в океане времени. В океане времени, которого не стало. Мы терпим бедствие, сами того не понимая. Мы отказались от души и теперь удивляемся, почему не чувствуем собственной идентичности. Кто мы? Что мы? Зачем мы? Сейчас уже никто и не ответит на эти вопросы. Почему? Потому как отказаться от души — это всегда проще, чем искать то, о чем она просит. А мы полюбили простые решения...

Что ж, настало время, когда мы должны отложить «Скрижали» и «Печати» в сторону. Настало время говорить не о Пути, а о Путешественнике, о том, кто стоит на этом Пути, то есть — о нас самих. Да, мы пытаемся убить свою душу, мы делаем все, чтобы она молчала, мы затыкаем ей рот, мы закрыли для нее взлетную полосу. Но она есть. И она бессмертна. Мы не сможем ее убить. А если попытаемся, то узнаем, что такое настоящая боль. Мы узнаем, что такое ужас.

Душа бессмертна, и когда Бог вдохнул ее в человеческое тело, Он дал ей шанс, возможность идти, расти вверх. Это был дар. Великий, священный дар. Доверие, которое Бог оказал душе человека. Впрочем, когда есть верх, появляется и низ. Идея развития предполагает возможность регресса. А потому мы оказались на развилке. Мы оказались перед выбором — вверх или вниз? У нас появилась альтернатива. Причем, у любого решения, как известно, есть плюсы и минусы. Путь вверх прекрасен, но труден, путь вниз — против правил, но он легок и не лишен некоего очарования обреченности.

Ветхозаветная история о сотворении Адама и о Древе Познания... В Библии сказано: Бог запретил Адаму вкушать плоды с Древа Познания, но Змий соблазнил Еву, и она принесла Адаму яблоко. Яблоко разбудило в Адаме чувственность, он познал Еву, и Господь проклял их, их потомков и изгнал из Эдема. Он изгнал их из мира, в котором царит Красота. За этот первородный грех Он лишил человечество вечного блаженства и обрек его на вечную муку. Но в чем именно состоял первородный грех Адама?

Мы привыкли читать то, что написано. Мы совершенно не умеем заглядывать вглубь, внутрь, по ту сторону. За что Господь наказал Адама? За то, что он познал Еву, или за то, что Адам нарушил Закон, нарушил непререкаемое установление Господа? Он наказал Адама за то, что тот не исполнил Завет, или за то, что он стал тем, кем он стал, когда Завет был нарушен? Наказывать за неизбежное, за естественное — нелепо. Наказывать за нарушение Завета — оправданно.

Нас приучили думать, что проблема в чувственности, что любовь грешна. «Адам познал Еву»... И хотя светское общество формально реабилитировало любовь между двумя людьми, их тягу друг к другу, этот «осадок» порочности на теле любви остался. И до сих пор любовь несет на себе печать того, прежнего, ошибочного понимания первородного греха. Неуловимой, неясной, ложной скверны, лежащей на теле любви. Мы по-прежнему стыдимся своих чувств. Нам кажется, что дело «в приличиях», а дело в давнишней ошибке интерпретации...

Яблоко Евы — вот то, о чем мы должны думать, если хотим понять истинный смысл той давней истории.

История, о которой я собрался рассказать в этой книге, реальна. Предельно достоверна. Все так и было. Точнее — все так и есть. Ведь это не история из жизни, не история «этого мира», это история духа, история души. В каком-то смысле, это притча, где важно не то, что происходит с героями, а то, что это значит, символизирует, то, на что это указывает. Мне нужна форма для того, чтобы рассказать о том, что не видно глазу, не слышно уху, непонятно уму. О тайном, о сокровенном, о невыразимом...

Мне хочется говорить с душой — и со своей, и с вашей. Я хочу, чтобы говорили наши души — друг с другом, друг о друге, друг для друга. Я хочу дать им голос, а потому мы входим в пространство потаенного. На поверхности — события жизни. Внутри — истина души, которая переживает и мучается, как всякая растущая или... разрушающаяся душа. Душа не может

умереть, но она может или идти бесконечно вверх, или идти бесконечно вниз. Это и есть Ад и Рай.

Ошибаются те, кто думает, что Ад и Рай ждут нас после смерти; они с нами в каждый момент этой жизни, только по ту ее сторону, с изнанки.

«И видел я другого Ангела сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головою его была радуга, и в лице его как солнце, и ноги его как столпы огненные;

В руке у него была книжка раскрытая. И поставил он правую ногу на море, а левую на землю,

И воскликнул громким голосом, как рыкает лев; и когда он воскликнул, тогда семь громов проговорили голосами своими.

И когда семь громов проговорили голосами своими, я хотел было писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего.

И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу

И клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет;

Но в те дни, когда возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божия, как Он благовествовал рабам Своим пророкам.

И голос, который я слышал с неба, опять стал говорить со мною и сказал: пойдя, возьми раскрытую книжку из руки Ангела, стоящего на море и на земле.

И я пошел к Ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед.

И взял я книжку из руки Ангела и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем.

И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах и языках и царях многих».

Откровение святого Иоанна Богослова, 10:1-11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Однажды ты проснешься и поймешь, что все в твоей жизни до этого самого дня было неправильно. Чудовищно неправильно. Бессмысленно, бесцветно, пусто... И ты захочешь сбежать из своей собственной жизни.

Сорваться и сбежать! Бежать куда глаза глядят! Прочь. Прочь. Прочь... Только бы не видеть ничего этого больше. Себя-прежнего не видеть! Никогда... И ты побежишь, бросив все. Бросив то, что было для тебя дорого и важно. И на миг почувствуешь облегчение. Облегчение, которое дает только... смерть. Убить свою жизнь, чтобы остаться в живых. Ты сделаешь это. Обязательно сделаешь! А потом опомнишься... Но дороги назад уже не будет.

В свете сумрачного утра похожая на саван простынь. Мокрая от слез подушка. Бездыханная, почти звенящая тишина. И рядом — это, такое любимое, такое желанное и такое чужое, бесчувственное, почти мертвое тело. Рядом с ним — с этим *телом* — Ева проплакала всю ночь.словно с покойником... Она прощалась.

— Глеб, пожалуйста... Пожалуйста... — слезы душили Еву, все ее тело сотрясалось от судороги, душа выворачивалась наизнанку. Почти теряя сознание, Ева вновь и вновь пыталась найти в себе силы, чтобы сказать ему это, чтобы вымолвить, прошептать: — Все, Глебушка... Пожалуйста... Отпусти меня... Прошу. Просто отпусти...

Глеб всегда думал только о себе. Так часто случается — красота портит мужчин. Женская любовь дается им в долг, ссужается без всякой меры, без всяких гарантий на возврат вложенных чувств и душевных сил. И потому они не знают ей цены. Они как бездонная пропасть — разверзаются, чтобы забрать и уничтожить. Взамен — только минута полета над бездной. Упоительного, сладостного, завораживающего полета. За секунду до смерти...

Природа, кажется, специально награждает таких мужчин всем, чем только возможно, — красотой, силой, умом, удивительной, соблазняющей чувственностью. Экономит только на одном — на сердечности. При таком количестве достоинств без этой «безделушки» вполне можно обойтись. Влюбленной, любящей женщине много, в конце концов, не надо. Она согласится и на малое — быть бы рядом с тем, кого она любит, и чтобы он... Нет, не любил. Хотя бы просто немного ценил. Может быть, понимал. Чуть-чуть, самую малость. Был добрым...

Но зачем тебе быть добрым, если у тебя есть все, чего ты хочешь? Ты улыбаешься, и окружающие уже не могут тебе ни в чем отказать. Они счастливы с тобой общаться, предлагают тебе свои услуги, открывают для тебя новые возможности, помогают. А ты просто принимаешь это с улыбкой, которая так для них дорога. Зачем быть добрым?.. В крайнем случае, можно просто изображать доброту, и этого будет вполне достаточно. Больше, чем достаточно! Красота, находящаяся рядом, учит быть непритязательным и сговорчивым.

Глеб, абсолютно голый, лежал на кровати, заложив руки за голову, и бесстрастно смотрел в потолок. Во всем его облике читалась вселенская скука. Он словно бы говорил Еве: «Боже мой, сколько можно, девочка?.. Я слышал это уже тысячу раз... Это так скучно и неоригинально. Все равно ты никуда не денешься. Так что, давай обойдемся без драмы. Лишнее, право». Ева все понимала. Она понимала Глеба лучше его самого. И от этого ей становилось еще больнее, еще нестерпимее, еще горше. Она могла читать его мысли. Но он в это никогда не верил. А зря.

— Послушай, Ева... — устало протянул Глеб, поднимаясь с кровати. — Давай обойдемся без драмы. Лишнее, право.

Он сел на кровать, повернувшись к Еве спиной. Своей большой, сильной, внушающей благоговейный, восторженный трепет спиной. Спиной, за которой ей всегда так хотелось спрятаться, глядя на которую раньше, она чувствовала себя маленьким, счастливым ребенком. Даже сейчас она инстинктивно потянулась к ней, потянулась к этой его спине, чтобы притронуться, прижаться, обнять... Когда мужчина удаляется, женщина испытывает потребность следовать за ним. Тихо, неслышно, шаг в шаг.

Но сейчас, сделав над собой невысказанное усилие, Ева сдержала себя. Она сдержала свой невольный порыв, свою слабость. Впила руками в подушку, словно ухватила за какой-то пожухлый куст на самом краю обрыва, и в который уже раз за эту ночь омылась слезами. Они брызнули из ее глаз сами, словно ее тело — это один большой баллон с водой, сжатый тысячами атмосфер. Ева понимала, что не должна позволить слабости одержать над собой верх. Они с Глебом должны расстаться. Она должна прекратить это. Глеб не любит ее и никогда не любил. Он игрался, пользовался, ему было удобно. А любить — нет, он даже не знает, что это.

Глеб встречается с другими. Всегда встречался. Они знакомы уже четыре года, и все эти четыре года... У него есть специальная записная книжка — потертая, в обложке из зеленой кожи. Убористым, твердым мужским почерком, страница за страницей, в нее бесстрастно вписаны сотни женских телефонов. И все девушки, которые значатся в этом списке, знают о том, что их место в его «книге судеб». Глеб вправе не скрываться, он вправе быть честным. Он может себе это позволить. Он называет эту книжку — «мой маленький зеленый друг», а еще, также в шутку, «службой спасения».

Когда Глебу скучно, а скучно ему бывает часто, он берет своего «маленького зеленого друга» и набирает наугад первый попавшийся номер. Алла, Света, Таня, Лора, Ксения... И ему никогда не отказывают. Никогда. Девушки бросают все свои дела, занятия, оставляют свою компанию. Время и место не имеют значения. Они бегут к нему опрометью, переполненные восторгом. Даже не бегут. Летят. Счастливые, довольные и бесконечно глупые. Все женщины в присутствии Глеба магическим образом глупеют. Это еще одно его загадочное свойство.

Магия этого оглушения не действовала только на Еву. Не действовала никогда. И именно поэтому ее не было в этом списке. Она была — «Избранной».

— Все, я ухожу, — прошептала Ева, поднимаясь с кровати. — Это давно надо было сделать. Глеб, мы просто очень разные люди. Это была ошибка. Не звони мне больше. Никогда.

С каждым словом ее, до этого обреченный, еле слышный, бессильный голос становился все пронзительнее и тверже. Она начала быстро собираться.

— Не валяй дурака, — раздраженно кинул Глеб. Резким движением встал, взял пачку Winston, ударил тыльной стороной ладони по доньшку, достал губами сигарету, тут же чиркнул зажигалкой и закурил.

— Прощай.

Душа не знает ни пространства, ни времени. А потому она не рождается и не умирает. Она лишь уходит из своего дома и возвращается в свой дом. И ее дом — не мир, который мы знаем, и не человеческое тело, в котором она оказывается, покинув свою обитель. Ее мир — Красота.

Это трудно объяснить и невозможно понять, этого даже нельзя себе представить... Как это выразишь? Душа — частица мира Красоты. Мира Ангелов — «больших» душ, что приходили в наш мир уже тысячи раз. Приходили наравне со всеми и прошли те же испытания, что даются каждому, но не всем оказываются по силам. Ангелы — это не те, кто правят миром, Ангелы — это те, кто его знают.

Покидая мир Красоты, душа страдает. В нашем мире ей не хватает той прежней,

истинной Красоты, что была ее счастьем. И она начинает поиск. Она ищет то, что потеряла. Она ищет в нашем мире Красоту. Но он обманчив: здесь ей даны органы чувств, а истинная Красота внутри — ее не увидеть и не пощупать. Как узнать то, что стоит за фасадом, если тебя не пускают внутрь?..

И души обманываются. Летят на красоту, которую видят, и теряют Красоту, что принесли с собой...

Ева подняла на него печальные глаза. Глеб прошел к окну, раздвигая ногами валяющиеся на полу вещи. Взял с журнального столика бутылку виски и приложился. Пару секунд он стоял так — в узкой полоске света, льющегося в окно между двумя несомкнутыми шторами. Высокий, с идеальной фигурой античного атлета, с закинутой вверх бутылкой — как герой, явившийся в город, чтобы возвестить народу об очередной своей победе. Ликуйте!

— Я не понимаю, чего ты хочешь. Ты знаешь — я тебя люблю... — не вынимая сигареты изо рта, Глеб то ли сказал, то ли промычал это свое «признание».

За все это время он ни разу так и не повернулся к Еве, даже не поднял на нее глаз. И он на самом деле не понимал из-за чего, почему, собственно, она так суетится. Ему и вправду казалось, что все нормально. «Я тебя люблю...» — эти три слова прозвучали лишь для того, чтобы отвязаться и сменить тему.

— Любишь... — обреченно, разочарованно, почти безжизненно повторила за ним Ева, словно закончила чтение своего смертного приговора.

— Ага, — гаркнул Глеб, оторвавшись от бутылки. — Именно!

Он встряхнул голову, уронил ее на грудь и с призывным стоном, проведя рукой по шее к затылку, запустил пальцы в волосы. Эти его руки... Сильные, всегда такие уверенные, нахально-уверенные руки. Ева не хотела, но смотрела и любовалась. Как загипнотизированная.

— А-а-а... Как голова болит! — простонал Глеб, но тут его взгляд оказался в области паха, и он улыбнулся — невольно, вальяжно, обворожительно, как только он один умеет. Улыбнулся и поздоровался: — Привет! А вот ты, малыш, никогда не болишь... Спасибо тебе! Только ты меня понимаешь...

Глеб сделал еще один глоток из бутылки, поставил ее на стол, и закусил выпивку оставшейся еще с вечера, потемневшей и подсохшей четвертинкой яблока. Раздался характерный хруст. Этот особенный хруст... словно бы ломаются какие-то маленькие, крошечные, игрушечные стены. Стены маленького, крошечного, игрушечного мира. Плоть яблока напрягается от давления и трескается, пропуская в себя белые резцы.

У Евы защемило сердце. В эту секунду она как никогда любила и ненавидела Глеба, ненавидела за то, что любит. Он абсолютный эгоист, одинаково мило общающийся с ней — с Евой, с другими девушками из личной «службы спасения», со своим «зеленым другом», со своим «малышом». Со всеми одинаково. Он, действительно, любил всех, кто доставлял ему удовольствие. А в другом качестве никто не был ему интересен. Неинтересен и все.

— Ты всех так любишь, Глеб, — пожалала плечами Ева. — Так, как умеешь. Я все понимаю. Я приняла решение...

Глеб посмотрел на Еву сначала недоуменно, а потом как на какое-то ничтожество и недовольно усмехнулся:

— Решение?.. Ты? С чего вдруг?

Ева дрогнула, напряглась, вытянулась струной.

— Вот в этом всё, Глеб. В этих твоих словах! — ее вдруг как прорвало: — Ты меня не уважаешь, Глеб! Совсем. Я, по-твоему, не могу принять решение? Все зависит только от тебя? Хочешь — не хочешь, будешь — не будешь? Словно меня не существует, Глеб! Словно есть

только твое желание!

— Мое желание?.. — Глеб чувственно, не торопясь, коснулся пальцами губ. Его лицо приобрело лукавое выражение. — Не знаю, мне кажется, всем именно это и нравится...

Ева залилась краской. Отчаяние, гнев и сладостное возбуждение смешались в ней. Все это!

Она почувствовала, что сгорает от стыда, превращается в соляной столп, словно жена Лота, обернувшаяся посмотреть на горящий Содом. А он просто дурачился. Он действительно не понимал, почему Ева так переживает — из-за чего? Понимал ли он вообще, что с ней что-то происходит? Нет. Он знал, чем берет, и брал именно этим...

Глеб был мастер таких историй. Как хищник, заводящий свою жертву в западню, он танцевал этот танец соблазнения — не останавливаясь, ничего не смущаясь и никогда не уступая. Он знал, что шантажировать можно только тем, что желанно. Прикасаясь к самым чувствительным, к самым болезненным точкам в душе своей жертвы, он заставлял ее саму идти на заклятие. Он был слишком аристократичен, слишком «хорошо воспитан», слишком «благороден», чтобы требовать жертв. Он был готов только принимать их.

Не спеша, вальяжно Глеб натянул на себя единственный предмет гардероба — белый, облегающий, подчеркивающий... От неизменных Dolce & Gabbana. Широкая резинка с логотипом обвела снизу возвышающиеся над ней кубики пресса, ноги стали казаться еще длиннее, а то, что над ними, — рельефнее. Глеб знал, что Ева будет смотреть на него, что Ева будет замороженно наблюдать за ним, что Ева будет любоваться им. Им — таким любящим, таким беззаветно и самозабвенно любящим... самого себя.

— Принимай решение... — прошептал он, выгнув голову. А потом показал взглядом туда-на того, с кем он только что «здоровался». — Ты всегда можешь принять *это* решение, Ева, всегда.

«Господи! Господи! Это же так глупо, так пошло! Почему я не могу ничего с собой поделать, Господи?!» — Еву начало буквально трясти.

— Это унижительно, понимаешь?! — закричала она, как будто у нее от ужаса вдруг прорезался голос. — Так нельзя с людьми, Глеб! С чужими нельзя, а с близкими — тем более. Зачем ты это делаешь? Кого ты пытаешься обмануть? Что ты все играешь? Это ведь не ты, не ты настоящий! Зачем?! Ты даже посмотреть на меня боишься... Устраиваешь этот пошлый стриптиз. Или тебе мерзко?

— Дура, — подчеркнуто бесстрастно прохрипел Глеб сквозь зубы и плюхнулся в кресло. Он закинул ногу на широкий подлокотник, недовольно скривился и затянулся сигаретой.

— Да, я угадала. Я угадала! Тебе мерзко! — Еве казалось, что ее сейчас разорвет от напряжения. — Я для тебя просто подстилка! Любимая подстилка, может быть. Так, наверное, ты думаешь. Одна из... Мне не обидно. Нет, правда. Почти совсем не обидно. И так ведь честнее. Каждый должен знать свое место. И ты мне мое указал. Я все понимаю. Не считай меня за идиотку, ладно? Это тоже унижительно...

— Брось, а?.. — Глеб нарочито небрежно выпустил из себя струю табачного дыма.

Странно, но этот пренебрежительно-примиренческий тон заставил Еву очнуться. Она для него — никто. Она для него не человек, она для него просто сексуальная игрушка, которая успеваешь наскучить еще до того, как что-то серьезное случится. Она — Ева — никто. И только в эту секунду Ева, наконец, почувствовала, как невыносимая тяжесть ее почти патологической зависимости от Глеба спала. Всю ночь, да и все последние дни, месяцы, годы, Ева гнала ее прочь, но та не уходила. Никак, ни при каких условиях. И вот, вдруг, отпустила. Как-то сама собой...

Душа целостна, не разделена на части. В ней нет противоречий и внутренней борьбы.

Но, оказавшись в теле человека, она находится в напряженном поле противоположных сил. Ее движения — движения заряженной частицы между «плюсом» и «минусом», между тем, что можно назвать «страстями», и тем, что мы обычно называем «добром».

Наши представления о «добре» и «благе» — это вовсе не истины Света. Наши представления о «добре» и «благе» — это алгоритм, который выработало человечество, желая обезопасить самого себя от собственных страстей. Наши страсти — плоть от плоти — часть этого мира. Светлые или темные — не имеет значения, их цель всегда — господство. Гнев, страх, любовь — все они жаждут власти...

Душа жаждет «власти» и стремится к «добрру». И то и другое — иллюзии. Но она не знает об этом. Когда ее пожирает страсть, душа оправдывает страсть. Когда страсть съедает саму себя, душа устремляется к «добрру». Эти силы играют с ней, как целая стая кошек с маленькой беззащитной мышкой. Впрочем, душе кажется, что она совершает внутренний труд и растет.

Странствия души — путешествие по лабиринту без выхода. Но душе кажется, что выход есть. Нужно время, чтобы она поняла, сколь бесплодны ее поиски...

Какая же мысль заставила Еву очнуться?.. Что это за спасительная мысль? О чем она успела подумать? Ах да! Она подумала об уважении, о том, что Глеб ее не уважает. Это ее всегда злило. Но теперь она поняла и другое — дело не в том, что он ее не уважает, он и не способен на уважение, дело в том, что она сама себя не уважает. Это не он соблазнил ее, это она соблазнилась им. Но что она в нем нашла? Почему она его так идеализировала? Кто он такой, чтобы так обращаться с нею? Ева внимательно посмотрела на любимого когда-то мужчину и улыбнулась.

— Слушай, всегда хотела тебя спросить — а вот эта «служба спасения» — это «служба спасения» от меня? Женский батальон перед Зимним дворцом? Ты меня так боишься?

Глеб понял, что с Евой что-то произошло, что-то случилось, причем, в какую-то долю секунды, за одно неуловимое мгновение. Как будто что-то перецелкнуло и мир перевернулся. Он понял это по тону ее голоса. Она никогда не говорила с ним так — тоном «не-любящей-женщи-ны». Глеб метнул в ее сторону раздраженный взгляд и, внутренне сжавшись, выпалил:

— Да иди ты!

— А я и иду, Глеб, — Ева вдруг почему-то расхохоталась. — Ты не волнуйся.

Ева смеялась! Словно какой-то свет шел у нее изнутри. Свобода!

— Ладно тебе, — Глеб закрыл лицо руками. — Подурачилась и будет.

Но Ева его уже не слышала, она только кричала и смеялась:

— Иду! Я иду!..

Смеялась истово, восторженно. Светло! Так, как никогда не смеялась в своей жизни. Никогда! Глеб был ошарашен. Он смотрел на нее недоуменно и никак не мог понять, что же случилось. Что с ней происходит? Еще никогда в жизни он не видел ее такой! Такой свободной, такой внутренне свободной! И он испугался. Он привык к мизансцене «удав и кролик», а тут, вдруг, кролик сошел с ума и начал потешаться над удавом.

— Тронулась... — зло прошептал Глеб и недовольно покачал головой из стороны в сторону. — Натурально, тронулась умом. Мать, тебе врача вызвать?..

— Спасибо, Глеб! Спасибо! — продолжала смеяться Ева. — Говори еще, мне становится легче! Говори, Глеб! Что у тебя еще накопилось... Не держи в себе. Скажи. Я все равно уйду.

— Заболела, я спрашиваю?..

— Господи, как же я раньше этого не понимала?! Это же просто сон! Вся моя жизнь с тобой, жизнь тобой — это сон. Я думала, что все серьезно. Относилась серьезно. Думала, что

ты настоящий. Пыталась до тебя достучаться. А ты — нет! Ты — не настоящий! Ты — нарисованный! Спасибо тебе, Глеб!

— Надо вызвать... — Глеб повертел пальцем у виска.

— Ты говоришь, я дура. Глеб, нет! Глеб, это ты дурак! — продолжала смеяться Ева, бессмысленно двигаясь по комнате. Она наталкивалась на предметы, но не останавливалась, словно танцевала с каким-то невидимым партнером. — Ты так ничего и не понял! Ты меня потерял, а я себя нашла! Слышишь?.. Я себя с тобой потеряла. А теперь нашла! И никому не отдам больше. Никому! Это мне Господь испытание послал! Отделить зерна от плевел... Как Золушке в сказке говорили: отдели, потом розовые кусты посади, и будет тебе счастье! Вот так и я.

— В тыкву не превратись только, ладно? — сыронизировал Глеб, но Еву это совсем не задело.

Теперь он может думать о ней все, что хочет. Она больше не должна ему нравиться. Она — свободна! А он — просто красивый дурак. Мало ли таких?! А кто покупается на эту красоту — тот сам дурак, дура. А Ева — нет, она все поняла. И она уходит. Сейчас собирается и уходит. Этот этап жизни закончен. Теперь она будет сама, без него. Без слез, без страданий, без вечного ожидания, что он в какой-нибудь момент, вдруг, наконец, все поймет, оценит, увидит и переменится. Не переменится. Дураки не меняются. Это не их конек.

Ева разгладила рукава джемпера, оправила юбку. Все хорошо. И черт ее дернул потянуть колготки...

В какую-то секунду ей показалось, что кто-то проводит по ее бедру кончиком острого ногтя. Длинная стрелка, расползаясь, побежала по ноге.

Ева вздрогнула.

— Нет! — закричала она, словно криком можно остановить появляющуюся на твоих глазах стрелку. — Не может быть! Нет!!!

На миг Еве почудилось, что она видит не стрелку на колготках, а всю свою жизнь. Вся ее жизнь, вдруг, дала трещину. Ее — неправильная, чужая, полная иллюзий и заблуждений — жизнь.

Она сначала обрадовалась. Минута свободы подарила ей счастье, которого она никогда не испытывала, даже в своей любви к Глебу, в лучшие минуты. Нет, это было самое настоящее, выливающееся из берегов счастье. Но оно вылилось. Опустошенность. И Ева испугалась. Это был момент самого настоящего ужаса. Что она делает?!

Слезы снова брызнули из глаз. Ева обмякла и стала бесшумно оседать на ватных ногах. Словно ее «снял» снайпер. Словно прямо в сердце ей выстрелил какой-то неправильный ангел — Амур, но наоборот. Не тот, что стреляет в сердца, чтобы разбить их несчастной любовью, но при этом все же даря любовь. А тот, что стреляет в сердце, чтобы в нем не оставалось больше ничего, кроме боли. Боли и разочарования. Чтобы в нем была пустота и вечное страдание. Ева попятилась назад и уперлась в стену.

Иногда душе кажется, что это совсем несложно — выпрыгнуть из лабиринта, в котором ее удерживают «страсти» и «благо». Нужно просто принять решение, и дело сделано. И душа не понимает, не может понять, что этот лабиринт — ее участь в нашем мире. Что из него нельзя выпрыгнуть, что от него нельзя отречься, нельзя сделать вид, будто его не существует и он не имеет значения. Он есть, и это Судьба.

Попытки закрыть глаза на реальность, создать иллюзорный мир — одно из тысяч сладостных искушений души. Она рисует себе сказочный замок, она рисует себе мир, в котором все просто, все правильно, все красиво. Душа рисует свой замок по воспоминаниям,

по следам воспоминаний о том мире, где царствует Красота. И лишь одна проблема — он, этот ее нарисованный замок, не настоящий.

На самом деле душа остается все в той же игре, которую ведут ее «страсти» с представлениями о «благе». Найденный выход — просто новая конфигурация прежних сил, ничего больше. Жизнь души в теле — заключение в одиночной камере. А выход, который она то и дело «находит», — это лишь плод ее болезненного воображения, ее галлюцинации.

Там, где нет собеседников, душа разговаривает с собственными фантомами. И испытывает ужас, когда, вдруг, осознает собственное одиночество.

Глеб встал, подошел к окну и отдернул штору. Комната вмиг наполнилась тоскливым молочным светом.

— Я тебе вечером позвоню, — безразлично сказал он.

— Не смей... — еле слышно прошептала Ева. — Не смей... Ты не посмеешь...

— Дура ты все-таки, — пробормотал Глеб и продолжил, не останавливаясь. Но говорил он не с ней, не с Евой, а словно бы с пустотой: — Чего тебе еще надо? Не понимаю. Придумала себе какую-то идиотскую роль жертвы и изображаешь ее мне целыми сутками. Ты думаешь, я тебя не люблю? Хорошо. А ты думаешь, ты меня любишь? Вот это твое — «медленно и печально» — это ты меня так любишь? Да какая это любовь, Ева? Окстись!

«Медленно и печально». Эти слова прозвучали для Евы как звук последнего выстрела. Повисла звенящая, предсмертная тишина. Он сказал *это* о ее любви. Четыре года Ева, боясь хоть как-то его расстроить, хоть чем-то его ранить или обидеть, чудовищным усилием воли держала все в себе. То, что она боялась «не так» вздохнуть, только бы он не рассердился, сейчас он назвал теми словами, которыми он обычно описывает самый плохой из возможных сексуальных актов. «Медленно и печально»...

— Ты чудовище, Глеб! Ты чудовище! — Ева шептала, но ей казалось, что от ее крика сейчас вылетят окна и посыплется штукатурка. — Как ты мог?! Как ты мог?!

Она буквально вывалилась в прихожую, схватила сумочку, сдернула с вешалки куртку и бросилась в дверь.

— Я позвоню, — бесстрастно пообещал Глеб.

Он так ничего и не понял. Ничего. Эти слова словно пригвоздили Еву к позорному столбу. Он ее не слышит. Даже не попытался услышать. Он продолжает думать, что обладает над ней бесконечной, вселенской властью. И самое ужасное — это так. А даже если уже и не так, то она — Ева — никогда не сможет доказать ему обратное. Что бы она ни делала, с кем бы она ни стала встречаться, все ее мужчины, какими бы они замечательными ни были, будут в сравнении с ним, с Глебом, заведомо проигравшими. А следовательно — она дура, а он — прав.

Задыхаясь от слез, Ева почти кубарем выкатилась на улицу.

Когда тебе больно, ты чувствуешь себя слабым. Когда тебе очень больно, ты чувствуешь злобу. Когда тебя раздирает от боли, тебе уже все — все равно. Совсем, Хочется просто тепла и заботы. Любой заботы. от кого угодно. Хоть от кого-нибудь... Хочется почувствовать, что хоть для кого-то ты ценен. Хоть чуть-чуть... Хоть самую малость. Хочется просто чувствовать. Эмоциональная смерть — это когда ты очень хочешь, но больше не можешь... любить, В принципе на можешь, сохраняя желание. Огромное, пожирающее тебя.... желание.

Ева оказалась на улице... У нее было ужас-нос чувство. Стыдное. Словно она голая. Обещанная. Грязная. Не поднимая глаз, она поспешила прочь. Подальше от этого страшного

дома. От этого подъезда, в котором, дожидаясь Глеба, она когда-то сидела часами. От этой квартиры, в которой она чувствовала себя самой счастливой и самой несчастной женщиной на свете. Прочь...

— Тебя подвезти?

Ева услышала этот вопрос» но не придавала ему никакого значения. Лишь прибавила шагу, чтобы не быть рядом с людьми. Ей так хотелось спрятаться, скрыться. Забраться в ракушку и умереть там, вдали от всех, незамеченной никем! Если бы у нее была такая возможность, она бы оделась сейчас в паранджу. Только бы ее никто не видел, не знал. Только бы ей самой никого не видеть, не слышать.

— Ева, постой! — настойчиво крикнул знакомый голос.

Не веря своим ушам, не понимая, как такое может быть, Ева обернулась. Нет, ей не почудилось. Прямо рядом с подъездом на скамейке сидел Борис.

— Боря? Борис Иванович?.. — Ева не понимала, как ей на это реагировать. — А что ты... вы тут делаете?

— Тебя жду, — спокойно ответил Борис.

Он ответил так, словно был ее штатным водителем, который приехал в назначенное хозяйкой время, а та о нем просто позабыла. Но Борис не был водителем Евы, Учитывая их социальный статус, скорее, она могла бы быть у Бориса водителем, но не наоборот. Он талантливый бизнесмен, её бывший начальник. Умный, красивый, добрый. То, что называют — «идеальный мужчина».

— Ждешь? Меня? — Ева инстинктивно попятилась. — Здесь?..

Встретить Бориса здесь, у подъезда, а котором живет Глеб. — как это может быть?..

Ева уволилась с работы, когда поняла, что Борис ее любит. Нет, немного не так... Когда он сделал ей предложение, он узнал про Глеба, узнал о том, какой он, и узнал про Еву. Узнал все. Сам, через свою службу охраны. И когда узнал, хотя между ними никогда и ничего прежде не было, сделал Еве предложение: «Выходи за меня замуж, Я тебя очень люблю. По-настоящему" И Ева сбежала.

Она не могла простить Борису, что он так бесстыдно вторгся в ее жизнь. Приказал следить за ней, за Глебом, за ними. У нее был шок! С чего он решил, что может вот так. никого не спрашивая, начать слежку? А потом еще сделать ей предложение, полагая, что Ем на него согласится! А еще она не могла ему простить... Не могла простить Борису того, что он подверг сомнению ее любовь к Глебу.

И сейчас Борис здесь — у его... у их подъезда.

— Ева, поехали, — быстро, с легким, едва заметным недовольством сказал ей Борис, показывая на припаркованный рядом Mercedes. — Чего тут стоять?

— Борис, я не понимаю... — Ева продолжала пятиться, и без того спутанные мысли в ее голове наталкивались друг на друга, словно машины в момент гигантской аварии на развилке автобана.

— Да нечего тут понимать, Ева, — сказал Борис и взял ее за руку. — Просто я приехал за тобой.

В этот момент из «Мерседеса» вышел водитель Бориса и услужливо открыл заднюю дверь салона. Ева смотрела на это «действие», и ей казалось, что земля уходит у нее из-под ног.

— Не могу поверить, ты все еще за мною следишь?.. — Ева почувствовала, как какой-то жуткий ком застрял у нее в горле. Ей стало трудно дышать. — Борис, так нельзя... Ты не должен...

— Ева, я не слежу, — слова Бориса прозвучали спокойно и уверенно. — Я просто понял, что тебе нужна помощь. Помощь друга. Почувствовал, понимаешь? Ты можешь мне поверить?

— Почувствовал?.. — голос Евы дрогнул, и перед ее глазами, как кадры кинофильма, пронеслись сотни картинок-воспоминаний.

Вот Борис представляет западным коллегам ее первую самостоятельную коллекцию одежды.

Вот они вместе отмечают ее первый контракт в ресторане — счастливые, довольные, шутят, смеются... Вот Борис помогает Еве с переездом на новую квартиру, которую она смогла купить в кредит с его помощью, и Ева, наконец, чувствует себя хозяйкой собственной жизни...

А вот они после «Недели моды» в Милане вместе гуляют по вечернему городу... Борис добился для Евы аудиенции у Джан-Франко Ферре, и великому модельеру очень понравились ее работы... Ева положила Борису на плечо голову и любуется базиликой Святого Амброджо, словно парящей в ризе красно-золотого закатного неба... Ева чувствует себя абсолютно счастливой...

— Правда, почувствовал, — еле слышно повторил Борис. — И, судя по всему, не ошибся. Поехали, пожалуйста...

Ева, словно в каком-то трансе, пошла по направлению к машине.

Когда душа испытывает боль, ее ощущение жизни притупляется. Она словно дезориентируется, теряет свое место в пространстве. Пол меняется у нее местами с потолком. И где потолок, где пол — она теперь уже не знает. Если раньше душа могла отличить «хорошее» от «дурного», то теперь она абсолютно растеряна — «хорошо» и «дурно» превращаются для нее в пустой звук.

От боли, от невыносимой тягостности своего страдания, душа — как оглушенная рыба. Она не знает, что ей надлежит делать, а чего, напротив, ей делать не стоит ни в коем случае. Она растеряна. Ее словно несет огромным, безудержным течением. Часто именно в такие моменты человек с «оглушенной» душой совершает все свои самые ужасные глупости, страшные и непростительные ошибки.

Но все же в этом — таком странном, таком тягостном, таком даже в чем-то болезненном состоянии — есть нечто очень и очень важное для души человека. Когда теряются, размываются грани реальности, когда нивелируются и исчезают условности, душа впервые видит этот мир как бы со стороны. Она отделяется, словно левитирует. Она осознает, что она и мир — это не одно и то же.

Это лишь первый шаг — все начинается с бесконечности одиночества.

Первый, но очень важный...

— Куда поедем? — спросил Борис, когда они с Евой оказались в машине.

— Куда?.. — эхом повторила за ним Ева. — Не знаю.

Ева не понимала, что происходит. Не верила происходящему. Только что она рассталась с Глебом. Она рассталась с человеком, которого любила больше жизни, который был для нее всем. Рассталась, понимая, что каждый следующий день их отношений — это для нее смертный приговор. Она превращалась в свою собственную тень. С ним она таяла как свеча. Она должна была принять это решение и расстаться со своей жалкой надеждой на то, что когда-нибудь, каким-нибудь чудесным образом, Глеб изменится, увидит и поймет, как Ева его любит, оценит это. Нет, нужно было рвать эту связь, нужно было заканчивать с этим безумием, с этим абсурдом собственной зависимости от собственной веры в невозможное чудо. И она порвала.

Но что теперь?.. Еще несколько часов назад Ева страстно хотела жить, мечтала вырваться из пут своей зависимости, освободиться от болезненной, всепоглощающей любви к Глебу... Но сейчас, когда это случилось, само желание жить, в какие-то считанные мгновения, ее оставило.

Ева сдулась, как лопнувший воздушный шарик. Сказав Глебу «нет», она обнаружила, что в ее жизни нет и не было ничего, кроме Глеба. Он был для Евы «всем», а теперь, расставшись с ним, она осталась «ни с чем». И это пугало. Невыразимо, до озноба, до мертвецкого холода пугало Еву. Она превратилась в небоскреб, из которого каким-то магическим образом вынули опорную, несущую конструкцию. Она оседала, как тающая на апрельском солнце снежная баба.

И вот появляется Борис. Нежданно-негаданно, по какому-то мистическому стечению обстоятельств. Человек, который ее любит, человек, от которого она сбежала именно потому, что он ее любит. Человек, который был ей дорог, но которого она никак не могла представить в той роли, на которую он рассчитывал. Что это? Промысел Божий, или еще одно испытание? Быть может, останься Ева сейчас одна, она, промучившись день или два, вспомнила бы о Борисе. Вспомнила сама. Вспомнила о том, как он ее любил, о том, как он к ней относился, и чувства к нему в ее сердце возникли бы как-то сами собой. Недаром Еве всегда казалось, что Борис и Глеб — антиподы, две противоположности. «Отлепляясь» от Глеба, она, вполне возможно, сама бы захотела вернуться к Борису...

Но нет, он пришел сам, по зову сердца. И словно попал не в такт. Поторопился, сжег лягушачью шкурку, вместо того чтобы дождаться условленного часа. И парадокс в том, что он пришел, потому что почувствовал, что Еве нужна его помощь. Не она бросилась к нему с просьбой о помощи, а он сам пришел! Этот факт, казалось бы, дает ему сто, тысячу очков форы против любого другого мужчины, но Еву он разочаровал, насторожил и вообще вызвал обратную реакцию. Она как собака на сене. Она отказывается от того, что ей нужно. Намеренно, осмысленно, как профессиональный камикадзе. Уходит от любимого мужчины, который был бы даже рад, если бы она осталась, и, нуждаясь в помощи, отвергает помощь, которую ей предлагают. Все против логики, против здравого смысла. Но и более того — в ущерб самой себе.

«Может быть, со мной что-то не так? — думала Ева, уставившись в окно с бесчувственным равнодушием. — Может быть, я больна? Почему я решила уйти от Глеба, я ведь не могу без него. Это какой-то абсурд! Это глупость! Помешательство... Почему я не радуюсь тому, что меня любят? Борис сидел под дверью, пока я лежала в постели с Глебом... Почему я не радуюсь, что он так меня чувствует? Пятым чувством узнает, что мне плохо, и тут же появляется рядом. Ведь именно этого — чтобы меня так чувствовали — мне всегда так не хватало) Он же меня понимает, знает, что со мной, и без всяких уговоров спешит на помощь! Почему мне становится от этого только хуже?! Что со мной?.. Что?!»

— На работу? — предположил Борис, его голос ворвался в размышления Евы и заставил ее мысли на миг остановиться. — Ты в бюро у Шкловского сейчас работаешь?

— Нет, — безразлично сказала Ева. — Точнее, да. Но я уволюсь. Сегодня.

Ева представила, как окажется на работе, увидит своих сотрудников — кокетливых барышень и современных пластиковых, генномодифицированных мужчин-ловеласов, которые настолько знают себе цену, что стали уже не мужчинами, а самым настоящим товаром на выданье. Потом начнется производственное совещание, на котором все только тем и заняты, что просиживают собственные штаны. А когда оно закончится, Ева уйдет в свой кабинет и... Станет блуждать по Интернету, заедая свою душевную боль бессмысленной информацией — громкими заголовками желтых изданий и пустым содержанием нижеследующих текстов, а еще высоколобыми и безвкусными рецензиями профессиональных критиков моды, добив этот коктейль информационного мусора бессмысленными репликами в живых журналах и на форумах. Заедая боль, она будет читать все это «г». Делать себе еще больнее, чтобы вообще ничего не чувствовать. Ей стало тошно.

— Увольняешься — это понятно. Тогда домой? — пожал плечами Борис.

— Домой... — почти по слогам произнесла Ева, то ли раздумывая, то ли кого-то

спрашивая. — Нет. Домой не хочу.

Еве тут же с абсолютной отчетливостью представилось, как она окажется в своей пустой квартире. Пустой не потому, что в ней нет мебели и всего остального... А потому, что в ней просто нет жизни. Расставание с Глебом — это конец. В жизни Евы нет больше будущего. Одна пустота. И она — эта пустота — теперь всегда рядом. Всегда с Евой. Если она придет домой, то дома от этой пустоты ей будет душно. Невыносимо душно. Ева начала задыхаться... Она почему-то вспомнила большой крюк, на котором висит ее любимая роскошная старинная люстра. Сейчас висит ее люстра, а может висеть и сама Ева. Зачем жить?.. Этот вопрос, возникнув в сознании Евы как-то сам собой, поставил ее в тупик. Она растерянно посмотрела по сторонам, словно только что проснулась, и подняла на Бориса глаза.

Большой добрый человек в своем постоянном костюме, который он, кажется, никогда не снимал, смотрел на нее своими большими серыми, почти детскими глазами. Смотрел с сочувствием и состраданием. Смотрел так, как ребенок смотрит на маму, которая мучается от боли и не может объяснить малышу, в чем дело, почему она плачет и почему он не должен чувствовать себя виноватым. Борис смотрел на нее по-детски любящими глазами, хотя был старше Евы на десять лет... Он настоящий мужчина — надежный и сильный, с ним «как за каменной стеной», он все может. Но Ева всегда относилась к нему как к брату. Как к доброму, лучшему на свете старшему брату. И всегда считала его младшим.

— Боря, мне так плохо... — прошептала она, закрывая лицо руками. — Ты не представляешь, как мне плохо...

Вымолвив это, Ева, вдруг, с отчетливостью поняла, что все именно так. Ей плохо. Ей плохо так, как никогда не было. Ей плохо до жути, до физической боли, до животного ужаса. Ей чудовищно плохо. Она потеряна, раздавлена. Ее больше нет. И Ева заплакала. Она ревела, содрогаясь от судорог. Ей казалось, что вся ее душа выливается сейчас с этими слезами наружу. Абсолютная пустота. Абсолютное одиночество. Бесконечная боль. Беспросветная, бессмысленная, ненужная жизнь.

— Ну, будет-будет, — засуетился Борис, пытаясь как-то обнять Еву, успокоить, утешить.

Он делал это со всей той нежностью, на которую был способен. Большой, даже чуть грузный человек. Со всей возможной для него нежностью... Ева ощутила на плече тяжесть, на миг ей показалось, что ее что-то сдавливает, закрывает, лишает воздуха, в нос ударил знакомый горьковатый запах его тела... И она зарыдала навзрыд.

— Я умру... Я умру! — кричала Ева, не помня себя и бессильно толкая Бориса.

У нее начался приступ самой настоящей паники.

— Миша, на Каменный остров, — бросил Борис водителю и снова принялся, как ему казалось, утешать Еву: — Ну ничего, ничего. Лиха беда... Все пройдет. Все наладится.

И с каждым его словом Еве становилось все хуже и хуже.

Душа как птенец. Приходя в этот мир, она смотрит на него из родительского гнезда. Она может петь и веселиться, беззаботно глядеть вокруг, наслаждаясь прекрасными видами. Наивность ребенка — это счастье души. Но проходит время, человек становится старше, и наступает момент, когда кто-то выталкивает его душу из «гнезда». Но речь не идет о родительском доме, речь идет о том доме, что вырос внутри самого человека.

Этот внутренний дом человека, этот внутренний уклад его жизни — его картина мира, его представления о мире, его представления о самом себе. Это его мечты, надежды, желания. И этот дом рушится. Оказывается, что жизнь другая. В ней никому нет дела ни до твоих надежд, ни до твоих желаний. Никому. В ней и до тебя-то никому нет никакого дела, потому как каждый занят только своими надеждами и желаниями. Каждый занят

только собой.

И разверзается бездна, и душу охватывает ужас. Чтобы ты смог взлететь, ты должен начать падать. Ты должен увидеть дно своей жизни, чтобы внутри тебя родилась потребность взмыть вверх. И потому душа, сама того не понимая, ищет то самое дно, ту крайнюю степень падения, без которой ее истинный, исполненный силы полет невозможен. Она бросается вниз, она готова разбиться и погибнуть... Это мнимое стремление к смерти на самом деле — стремление к истинной жизни. Но если бы она это знала, она бы не бросилась вниз...

На Каменном остро у Бориса дом. Большой, просторный особняк. Старинный, но отреставрированный, перестроенный. Просторные комнаты, больше похожие на залы. Предметы искусства, выполняющие роль декоративных изделий.

Ева оказалась здесь впервые. Да, конечно, она знала про этот дом Бориса и раньше. Но всякий раз отказывалась от предложения «прийти в гости». Ей казалось, что в самом этом предложении есть что-то интимное. А она не могла себе представить, что у них с Борисом может что-то быть.

А теперь она поехала сюда без всяких разговоров. Ее больше ничего не пугало. Ничто ей больше не казалось зазорным, неправильным или ошибочным. Да и о чем можно так думать, если все в этом мире для тебя потеряло смысл? Что можно считать зазорным или ошибочным, если сама жизнь кажется тебе бессмысленной, лишенной какой-либо цели, пустой. Одной большой ошибкой...

Борис ввел Еву в свой дом.

— Проходи, располагайся, чувствуй себя как дома... — радушно сказал он.

Ева прошла в гостиную, которая отделялась стеклянными дверями от просторной столовой, а та, в свою очередь, такими же дверями — от огромной кухни. Оглядевшись, Ева села в мягкое кожаное кресло и бесцельно уставилась в окно. Рядом на журнальном столике стояла хрустальная ваза с большими зелеными, идеально правильными, словно искусственными яблоками. Ева было потянулась к ним, но остановилась... Ей ничего не хотелось. Ей все казалось каким-то пресным и странным, как во сне или под наркозом.

Зеленые деревья гнулись на ветру. Тучи собирались в большие тяжелые стаи, отражаясь в водах реки своей свинцовой мощью.

— Большой дом, — констатировала Ева. — Ты, наверно, чувствуешь себя в нем очень одиноко.

Борис молча снял пиджак и повесил его на специальные плечики в прихожей. Вопрос Евы повис в воздухе. Борис прошел сквозь столовую в кухню, остановился у барной стойки и налил себе коньяк.

Потом сквозь череду стекол он посмотрел на сидящую в гостиной Еву. Посмотрел и замешкался. Он словно спрашивал себя: «Что я делаю?.. Что-то неправильно... Что-то не так...» Спрашивал и не находил ответа. Он привез Еву к себе. Женщину, с которой он не виделся почти целый год. Но о которой думал каждый день этого бесконечно длинного года. Страдал и мучился, ревновал ее к другой работе, к другим интересам, к другому мужчине, наконец. К ненавистному, презираемому им Глебу, который, как казалось Борису, не стоит и одного ноготочка, и одной слезинки Евы.

Борис достал из холодильника лед, насыпал его в бокал, а затем почти до краев налил martini.

«Ты чувствуешь себя одиноким, — эти слова Евы звенели в его голове надрывным эхом. — Ты чувствуешь себя одиноким...»

— Ева, я чувствую себя одиноким с того самого момента, когда впервые тебя увидел, — сказал он, подходя к Еве и передавая ей бокал с мартини. — Не знаю, веришь ли ты в любовь с первого взгляда, но со мной было именно так. Тебя взяли на работу, но меня тогда не было. Помнишь? Я как раз был в Нью-Йорке, а когда вернулся, увидел тебя в офисе.

Ева сделала глоток холодного, буквально обжигающего холодом мартини, и рассмеялась:

— Увидел, значит, и сразу влюбился... — ее слова прозвучали с иронией, которой Борис, наверное, совсем не заслуживал, но Ева ничего не могла с собой поделать.

— Глупо, правда? — Борис совсем не обиделся. Ему было горько, но он не обиделся. -

Я понимаю. Но что поделаешь? Сердцу не прикажешь.

— Это правда, сердцу не прикажешь... — Ева смягчилась, ей стало стыдно, и, чтобы не показать этого, отвернулась к окну. — Я понимаю.

— Это было ужасно, — Борис продолжал все так же стоять посреди комнаты, чуть растерянный, ссутулившийся. — Получалось, что я начальник, а ты — сотрудник. Как роли в спектакле, понимаешь? Ты смотрела на меня такими глазами — мол, да, Борис Иванович, хорошо, Борис Иванович, вынуждена с вами не согласиться, Борис Иванович. Не знаю, как объяснить... Это как в клетке. Как в западне. Словно стеклянная перегородка — все видно, а не дотронуться, не прикоснуться. Как сказать, что я люблю, что я больше думать ни о чем не могу? Как?

Ева старалась не смотреть на Бориса. С ней происходило что-то странное, необъяснимое. «Это как в клетке. Как в западне. Словно стеклянная перегородка — все видно, а не дотронуться, не прикоснуться», — Борис слово в слово повторял то, что думала Ева, глядя весь последний год на Глеба. Нет, конечно, она могла к нему прикоснуться. Но только к телу, не к душе. К оболочке, но не к сущности. Но любила она сущность. Сущность... Или ей это только казалось?..

Борис как-то странно качнулся, а потом, словно набравшись недостающей решимости, сел в кресло. Сел на самый край, преодолевая внутреннюю неловкость. От напряжения у него даже подрагивали руки. Чтобы чем-то их занять, он взял из вазы яблоко и начал чистить его специальным серебряным ножом. Машинально, как автомат по чистке яблок. Один круг, другой, третий...

Кожица яблока на глазах превращалась в зеленую спираль, обнимающую пустоту. Яблока внутри нет, но его кожица создает иллюзию присутствия. Еве почему-то вспомнился образ Богородицы на одной из картин Сальвадора Дали. Раньше ей всегда казалось, что спираль, образующая ее лицо, — это полосы ткани, в которую заворачивают покойников. Некий символ вечной жизни, проступающей сквозь сковывающую ткань смерти...

А сейчас Ева вдруг подумала, что это вовсе не полосы ткани, а кожура яблока. Некая имитация жизни. Жизни уже нет, сердцевины нет, а есть лишь имитация жизни, имитация сердцевины, имитация сердца...

— А-а, черт! — осекся Борис и схватился за палец.

Задумавшись, он не смог сдержать своего напряжения. Он чистил яблоко, инстинктивно наращивая силу и амплитуду движений, срезая все больше и больше, пока, наконец, не саданул ножом прямо по пальцу. Кровь брызнула струей. Красная полоска крови разрезала пополам белую мякоть яблока.

Ева подскочила и засуетилась.

— Сосуд задел! Надо срочно промыть и туго перевязать. Боря, где у тебя ванная комната? Вставай же!

— Там, — показал Борис и поднялся с кресла.

Ева поспешила за ним. Она растревожилась так, словно речь шла не о пальце, а о всей руке.

— Боря, где у тебя аптечка?!

— Прямо тут, комод в коридоре, — как-то рассеянно сказал Борис. — Нижний ящик, кажется.

Они вошли в большую, просторную ванную комнату. Ева быстро включила воду.

— Ева, ты не волнуйся так... — Борис говорил спокойно, размеренно. Напряжение словно вышло из него этой тонкой струйкой крови. — Все нормально. Все хорошо. Не волнуйся.

Ева делала вид, что она его не слышит. Суетилась возле крана, настраивала воду, чтобы она шла не слишком сильно и не слишком слабо. Озиралась вокруг в поисках полотенца. Она словно вошла в какой-то транс...

— Вот, поддержи под холодной водой! Я сейчас...

Ева выскочила в коридор, бросилась к комоду, стала искать аптечку. У нее дрожали руки, изображение перед глазами расплывалось. Она не могла сосредоточиться. Словно параллельно о чем-то думала. Но о чем?.. Этого она сказать не могла. Словно что-то важное происходило в ее жизни. Но что? Сама Ева этого не понимала.

Наконец, она извлекла аптечку из среднего ящика комода и бросилась к Борису. Он сидел на краю ванны — спокойный, счастливый, умиротворенный. Когда перепуганная Ева вбежала в ванную комнату, она запнулась. На ровном месте. Она увидела глаза Бориса, и в ней что-то перевернулось. Большой, добрый, любящий человек...

— Давай я перевяжу, — сказала она сбившимся голосом. — И не смотри на меня так...

— Извини, — смутился Борис. — Просто ты такая красивая...

Ева почувствовала, как на щеках в один какой-то миг расширились сосуды, как ее щеки зарумянились нежным розовым цветом.

— Перестань... — смутилась Ева и принялась бинтовать Борису палец. — Сильно течет...

— Давление, наверное, высокое, — улыбнулся Борис. — От счастья.

— Боря... — смущаясь все больше и больше, пролепетала Ева. — Нет...

Она почувствовала на губах его губы. Мягкие, чувственные. Он целовал ее так, словно вдыхал запах розы. Легкая дрожь приятной волной прокатилась по всему ее телу. Ноги стали ватными. Ева обвила Бориса руками и против собственной воли тихо застонала. Он нежно поднял ее, словно пушинку, и понес в комнату.

У Евы кружилась голова. От ужаса, от радости, от подступающего возбуждения. Она перестала себя контролировать. Она чувствовала его сильное, огромное тело, и ей стало уютно, тепло, спокойно. Он словно снимал с нее тяжесть всех прежних страданий, прежних мук, прежней тоски и неопределенности. Он дарил ей любовь...

Душа свободна от условностей, но пока она не знает об этом, она следует «правилам». Стоит, однако, человеку понять, что мир — это одна большая иллюзия, как его душа получает искомую свободу. Именно в этом цель и смысл того кризиса, который переживает душа, «с мясом» вырезающая себя из той внешней среды, которую она долгое время считала для себя единственно возможной и правильной.

Когда границы рушатся, когда условность устройства мира начинает восприниматься человеком именно как условность, его душа уподобляется всаднику, у которого понесла лошадь. Душа, действительно, несется во весь опор, не разбирая дороги, не слушаясь своего седока. Это состояние, по сути, ужасное, ведь человек теряет всякий контроль над собой, но в какой-то момент это безумие начинает приносить ему неизъяснимое удовольствие...

Принимая решение «умереть», он перестает цепляться за жизнь. Он складывает крылья и наслаждается свободным падением. Душа получает новый опыт — жизни одним днем. Ей кажется, что это — мгновение «сейчас» — и есть жизнь. Все теперь становится

таким простым и понятным... Все, о чем только можно подумать, открывается ей в своей непредвзятости, в своей невинности и безгреховное™.

Удовольствие от утраты контроля. Удовольствие от жизни, в которой нет ни вчера, ни завтра, а только сегодня. Удовольствие от снятия усилий.

Словно завтра не наступит никогда... А оно наступит.

— Будь со мной... Люби меня... Не отпускай... — шептала Ева, не помня себя.

Она впивалась в тело Бориса, словно он был ее единственной точкой опоры. Словно, если бы его не было, она бы упала в бездну. Тяжелое дыхание Бориса обволакивало Еву со всех сторон. Его похожее на рык сопение заставляло Еву послушно двигаться в такт его движениям. Она чувствовала силу, огромную, не подвластную ей силу. Ей было жутко, и само это чувство ужаса превращалось в ее существо в острую судорогу наслаждения. Ей казалось, что она растворяется, распадается на мириады частиц, становится пространством, умирает...

— Убей меня, пожалуйста... Я хочу умереть сейчас... — эти слова, этот надрывный шепот вырвался у нее сам собой, слетел с губ, как последнее прощание. — Раздави... Я не хочу жить... Раздави...

— Ева, что ты говоришь? — Борис остановился.

Ева открыла глаза и увидела перед собой его испуганное лицо.

— Что? — бесстрастно, холодным-прехолодным голосом спросила Ева.

Ей вдруг стало как-то неловко, неуютно, зябко. Вся чувственность, все ее возбуждение в один момент улетучились, растаяли, как утренний туман. Только что она ощущала себя пространством, а сейчас, вдруг, превратилась в маленькое, слабое, но необычайно агрессивное существо. Привычного сладостного расслабления, этого таяния в нежности, следующего обычно за занятиями любовью, не было и близко. Напротив, в Еве, вдруг, появилась какая-то злоба, ненависть, презрение.

— Ева, девочка моя, любимая... Ты не должна так говорить... — Борис пытался быть внимательным, заботливым, нежным.

— Не говори мне, что я должна, а чего не должна! — жестко отрубилла она.

— Но Ева...

— Борис, я тебя не люблю, — Ева посмотрела на него какими-то сумасшедшими, холодными, стальными глазами. — Что тут непонятного? Ты получил, что хотел? Все!

Борис вдруг показался ей отвратительным. Она дернулась, словно увидела дохлую крысу, и быстро, резкими движениями сползла с кровати. Ева сама не понимала, что на нее нашло. Но с каждой секундой раздражение разрасталось в ней с неумолимой силой. Внутри напряглась какая-то пружина. Казалось, еще мгновение — и она выстрелит.

— Ева, я этого не хотел... — Борис почувствовал себя виноватым и пытался как-то оправдаться. — В смысле, я хотел, чтобы ты... Тебе... Если ты была не готова — прости.

— Я была готова, — Ева стала быстро одеваться. — Я была абсолютно готова. Ты просто воспользовался моей слабостью, моей растерянностью. Вот и вся моя готовность. Да, у меня плохой период! Ты все правильно рассчитал! Да, меня не устраивает вся моя прежняя жизнь и я в панике. Да! Но я закрыла дверь в прошлое, понимаешь?! Сегодня! Закрыла навсегда! И ты — просто часть этого прошлого. Все! Я выплатила тебе свой долг, теперь мы в расчете. Теперь ты оставишь меня! Оставишь и забудешь!

— Ева, какой долг?.. — было видно, что ошарашенный Борис, словно раненый, контуженный, абсолютно не понимал, что происходит. Он сидел на кровати в неловкой позе и все еще продолжал бессильно оправдываться. — О чем ты говоришь, Ева? Ты мне ничего не должна. Я так не думал! И я не воспользовался... Я просто... Я просто тебя...

— Думал, не думал — какая разница?! — Ева прервала его резко, с нахлестом фразы. Она понимала, что если сейчас он скажет свое «люблю», она просто не справится с собой. Она убьет его. Просто убьет! Выцарапает глаза! — Борис, мы больше не увидимся никогда. Слышишь?! Никогда! А-а, черт!

Она натягивала на себя колготки, но они совершенно расползлись. Раздумывала секунду, а потом буквально содрала их с себя и с силой бросила на пол.

— Ева, ты все не так поняла...

— Это ты все не так понял! Все кончено, Борис! Кончено! — Ева выбежала из спальни и опрометью помчалась к выходу.

Она не понимала, куда сворачивать в этих длинных коридорах, где лестница на первый этаж... На мгновение она почувствовала себя в западне. А когда увидела выход, так дернулась, что чуть не разбила ноги о перила. Схватив туфли в руки, она тут же оказалась на крыльце.

Так, босиком, Ева пробежала по участку. Бежала, словно Борис за ней гнался. Оказавшись у забора, Ева схватилась за ручку кованой калитки, но та оказалась закрытой. Ева в бессильной истерике стала трясти ее изо всех сил.

На шум из домика охраны вышел человек в черной униформе и с удивлением на нее уставился.

— Что?! — завопила на него Ева. — Откройте мне! Быстро!

Охранник растерянно посмотрел в сторону дома. В окне, отодвинув гардину, стоял Борис. Он так и не успел надеть рубашку. Едва заметным движением Борис кивнул охраннику и тот, смутившись, быстро нажал на кнопку, открывающую выход на улицу.

Металлическая дверь лязгнула у Евы за спиной, словно тяжелые кандалы.

В момент своего падения душа словно превращается в камень и бьет каждого, кто оказался у нее на пути. Она — как слепое орудие Рока. Злого, беспощадного и беспринципного Рока. Все и вся перестает иметь для нее какое-либо значение. Ей настолько больно, что она способна лишь обороняться. И обороняется от всего, от всех — от врагов, друзей, ветряных мельниц...

Когда ты испытываешь предельную боль, ты перестаешь думать о том, что кому-то тоже может быть больно. Напротив, тебе, вдруг, начинает хотеться, чтобы все так страдали и мучились, как ты. Ты желаешь им зла. Впрочем, ты хорошо понимаешь и другое: никто и никогда не поймет и не поднимется до твоей боли. Никто и никогда. И от осознания этой мысли становится еще больнее. Ты один на один с бесконечностью страдания.

Это предельная точка эгоизма: когда душа, растерявшая прежнюю память о Красоте, утратив прежние знания о «благе», становится жестокой. Может ли душа творить зло? Может ли она разрушать Красоту? К сожалению, да. Может. Неслучайно, Инь в философии Дао, достигая предела, превращается в Ян, и наоборот. Все, что достигает предела, становится своей собственной противоположностью.

Ангел превращается в Демона...

Если ты думаешь, что жизнь — это задача, которую нужно решить, жизнь кажется тебе сложной. В тот момент, когда ты понимаешь, что у задачи под названием «жизнь» нет решения, тебя охватывает отчаяние. Казалось бы, самое время отказаться от мысли, что перед тобой уравнение... о ведь это бы означало проигрыш! И, не желая проигрывать, ты начинаешь сводить счеты с собственной жизнью. Ты словно вызываешь ее на дуэль. Если не. выиграть, то, по крайней мере, есть шанс не проиграть, погибнуть вместе с

врагом... Ты стреляешь в себя, чтобы убить ее. Безумное решение, которое кажется разуму в этот страшный миг единственно верным...

Ева не шла, она почти бежала по тенистым аллеям Каменного острова. Ее пятки горели, тело ныло, словно поднятое на дыбу, ее душу разрывало на части. Еве хотелось плакать, но ни сил на это, ни самих слез, кажется, не осталось. Ее словно выпотрошили изнутри, не оставили в ней ничего живого, ничего настоящего, и... заставили жить.

Но зачем? Ради чего? Имеет ли все это теперь хоть какой-то смысл? Боль, страдания, унижения, зависимость, слабость... Зачем со всем этим жить?

Ева хотела любви, и у нее была любовь — к Глебу. Великая, восторженная, парализующая своей безграничностью любовь. Но Ева от нее отказалась. Нужно было пережить все это, чтобы понять: любовь — это вовсе не то счастье, о котором ты мечтаешь в юности. Любовь — это страдание, возведенное в степень горькой, сладостной муки. Это страдание, возможно, сделает тебя лучше, но не более того. Никаких иных последствий...

В любви сгорает все то, что на самом деле является лишним, вторичным, ложным, надуманным. В ней сгорают твои «принципы», прежние установки и прочие предрассудки, в ней оплавляется и умирает твое себя-любие, твоя уверенность в незыблемости мира, твоя вера в чудеса, вера в счастье, наконец. Все, что сначала, как тебе кажется, составляет тебя самого, сгорает. И, обожженный любовью, ты начинаешь понимать, что жил в искусственном мире. Но новый мир, мир настоящий, как выясняется, куда хуже, нежели тот, в который ты привык верить.

И какой ты сам — настоящий? Что в тебе настоящего? Объяснить невозможно, понять невозможно, это можно только почувствовать. В любви и именно благодаря любви. В любви ты полностью отдаешься другому человеку — это как жертва, как заклинание. Безвозмездное дарение, в котором с тобой могут сделать все что заблагорассудится. Технология обжига — мягкие ткани выгорают, а твердые становятся только тверже. Ты был большой фигурой из папье-маше, а превращаешься в оплавленный кусок, покрытую копотью каплю металла.

Сама любовь — это, конечно, великий дар. Но это, с той же определенностью: самое настоящее проклятие. Ты перестаешь принадлежать сам себе, ты перестаешь себя контролировать. Это как безумие, как помешательство. Есть в этом что-то абсурдное и вместе с тем великое. Великое — благодаря именно этой самой абсурдности. Чувство, дошедшее до предела и шагнувшее через эту границу, оборачивается бесчувственностью. Отсутствием чувств. В любви, рождении и смерти есть что-то общее. Мы переступаем через границу, которая не позволяет нам быть прежними. Тотальность и необратимость этих событий делает их по-настоящему великими. Трагически великими.

Говорят, что космические Черные дыры — это схлопнувшиеся звезды. Огромные звезды, испускающие гигантское количество света, в какой-то момент, вдруг, начинают сжиматься. Расстояние между частицами звезды стремительно уменьшается, гравитационная масса нарастает, и в какой-то момент звезда как бы сворачивается внутрь себя. Теперь она не испускает ни единой частички света, она только поглощает. Она становится пожирателем всего, что оказывается в поле досягаемости ее необыкновенно сильного гравитационного поля.

Так и любовь — она сначала щедро и безвозмездно дарит себя, а затем что-то ломается. И вместо того чтобы дарить Свет, схлопывается в Черную дыру, которая всасывает, вбирает в себя все вокруг, но, может быть, главное — самого человека. Вбирает, чтобы уничтожить, расплющить, превратить в ничто. И возникает страх — жуткий, парализующий. Страх перед новой любовью, перед новыми отношениями, перед самими людьми. Человек где-то на интуитивном уровне понимает, что любые новые его отношения неизбежно закончатся тем, что он «сожрет» и уничтожит того, кто посмел приблизиться слишком быстро. Или погибнет. На

сей раз окончательно. Навсегда.

Ева остановилась. Куда она бежит?

Теперь ей больше некуда торопиться. Сотни раз она утешала и успокаивала себя тем, что мечтала о Глебе. Она могла сесть, представить себе, как Глеб обнимает ее за плечи, обвивает рукой талию, ласкает. С помощью фантазий и воспоминаний она могла физически ощущать его прикосновения, чувствовать его запах — такой нежный, такой родной, сладостно-пряный запах.

Она настолько привыкла к этой своей фантазии, что подчас уже не могла отличить ее от реальности. Она физически ощущала его присутствие, его нежность, его тепло. Она отдавалась Глебу даже тогда, когда его не было рядом. Ее любовь выкристаллизовалась и как бы стала самостоятельной, непривязанной. Был Глеб с Евой или его с ней не было, она жила этим своим чувством. И была счастлива...

Но сейчас ничего не получалось. Ева вышла на зеленый газон, села под деревом, закрыла глаза и пыталась почувствовать Глеба. Она хотела, чтобы именно сейчас он был рядом. Ей нужно было забыть то, что случилось в доме Бориса. Ведь любовь без любви — это ужасно. Она поддалась своей слабости, ей показалось, что терять нечего. Она подумала, что раз Борис ее любит, то этого достаточно. Ей ведь хватало любви к Глебу... Ее неразделенной любви.

Зачем же она пошла на это? Чего она хотела добиться? Она сделала ужасную глупость. Ей просто очень хотелось, чтобы кто-нибудь ее любил. Хоть чуть-чуть... А Борис любил. Может быть, нужно просто жить? Вот любит тебя человек, хочет сделать тебя счастливой, и хорошо. Борис отдал бы за это все. Это дорогого стоит. Но разве можно заставить себя чувствовать, что это дорого? А просто понимать... Просто понимать — это недостаточно. Совсем недостаточно.

Это было ошибкой. Да, пусть тебе нечего терять, но пока есть ты, ты есть. А Ева не может быть с мужчиной, которого она не любит. Физически это, конечно, возможно, и она даже способна получить от этого удовольствие, но потом она будет чувствовать себя несчастной. Бесконечно, тотально несчастной. И от этого ощущения никуда не уйти... Словно огромный кирзовый сапог наступает на крошечный светло-розовый цветок. Мгновение перед смертью и... жалкий труп на асфальте.

Боль пушечным снарядом разорвала Еву изнутри.

Прежде душа принадлежала миру, где правила абсолютная Красота. И теперь душа никак не может поверить в то, что она могла достигнуть конца падения. Она не верит, что этот конец вообще существует, может быть. Она не способна представить себе, что есть та финальная точка, за которой нет ничего. Даже упав, разбившись в кровь, она продолжает жить, она продолжает искать выход.

Красота, которую она ощущала в том, ином мире всем своим существом, была столь огромна, столь величественна и всесильна... Как можно поверить в то, что где-то, в какой-то точке мироздания поле ее силы истончается настолько, что его больше нет вовсе? Разве у божественной Красоты может быть предел?.. Разве можно поверить в то, что у бесконечности есть рубеж?

А что если этот рубеж, действительно, существует?.. Само предположение кажется душе кощунственным, но что она может сказать своему разуму? Что она может сказать своему изнывающему от муки телу? Что она может им сказать?.. А те, в свою очередь, не молчат. И разум, и тело в один голос утверждают: «Все кончено! Это конец!» Душа остается один на один со своей верой. Один на один... И что-то в ней надламывается.

Когда «все хорошо», душа мешает нашему сытому, глупому, бессмысленному, самодовольному счастью. Ей беспокойно, ей нужен полет. Когда же «все плохо», когда мы лишаемся всякой надежды, она мешает нам иначе. Она мешает нам умереть... Но разве ее

нельзя обмануть?

Ева не могла больше сидеть. У нее внутри заработал какой-то страшный механизм. Словно что-то ворочалось внутри. Все быстрее и быстрее... Ускоряясь с каждой секундой! Еве показалось, что, если она сейчас не встанет и не побежит, ее разорвет на миллионы мелких частей.

«Мне незачем жить... Чем дальше, тем становится только хуже... — эти мысли бились в голове Евы, как обезумевшие рыбы в переполненном аквариуме. — Кому это нужно?! Ради чего?! Я уже отлюбила свое! Отлюбила! Я больше не смогу полюбить! Никогда! А жить без любви... А без любви я не могу. И с любовью не могу! Нет, это просто нужно закончить! Так мучиться... Так мучиться! Нет! Я сильная, у меня получится... Я справлюсь!»

Ева не умела плавать. Она умела рисовать, петь, фотографировать, шить... Но она не умела плавать. Совершенно. Вода всегда пугала ее, с самого детства она вызывала в ней панический ужас. Ева словно знала, что однажды именно она — вода — заберет ее жизнь. Так тому и быть. Сегодня этот день настал. Все не случайно... Захлебнуться, утонуть, камнем лечь на дно... Бегом, к мосту. Тут совсем рядом. Высокий-высокий, высоченный, массивный мост через Большую Невку...

Ева уже представляла себе, как она перелезает через решетку моста, отталкивается от ограды и камнем, словно сбитая в небе птица, летит вниз. Какая-то секунда, и вода разверзнется перед ней пастью хищного зверя. Все случится мгновенно. Больно не будет. Разве только чуть-чуть. Будет страшно. Да. Но ведь это только один шаг, а дальше уже ничего не изменить. Просто отдаться, и все. Поэтому все равно. Главное — шагнуть. Один шаг — и избавление от страданий.

«А все эти люди, которые меня знают... Какая мне разница, что они будут говорить?» — подумала Ева, поворачивая на набережную.

В эту секунду она увидела тот самый мост. Огромный мост, возвышающийся над пространством воды, словно напряженная дуга гигантского железобетонного арбалета.

Чтобы не думать о нем, она начала судорожно перебирать в голове людей, которые уже завтра узнают о том, что ее нет на этом свете, что она ушла от них. Глеб... Борис... Ее подруга Наташа. Она, наверное, даже не расстроится. Воображающий себя ее начальником Шкловский. Виктор — ее постоянный помощник. Хороший парень, верный. Ну, просто сменит работу. Бывает. Компания, для которой она готовит новую коллекцию одежды. Все эти директора с напыщенными лицами... Перебьются. Ничего с ними не станется.

«Одежда — это же так смешно...» — подумала вдруг Ева.

Она всю жизнь мечтала одевать людей. Но лучше б они были голыми. Правда! Голыми как-то честнее — ничего не скроешь, все видно. Люди кутаются в одежды. Всегда. Они одевают в одежды свое тело, свои мысли... Они одевают в одежды даже свои чувства! Все ненастоящее, лицемерное, искусственное. Никто не любит, чтобы просто любить. Никто не ненавидит, потому что просто ненавидит. Все, словно «от кутюр», — красиво, изошренно и неправильно. Без одежды — возможно, и не очень красиво, зато правильно. Люди должны ходить голыми, только тогда их словам можно будет верить.

Подумав об этом, Ева, вдруг, поняла, что ее настроение улучшилось. Ей понравилась эта мысль, показалась очень здоровой. На долю секунды Ева подумала, что ей, может быть, не стоит умирать прямо сейчас. Вдруг она сможет убедить человечество в том, что надо раздеться? Это было бы забавно... Но минута этого ее абсурдного и нелепого веселья была недолгой. Ева поймала себя на мысли, что чем глупее, чем идиотичнее идея, тем более здоровой она начинает ей казаться. Такой уж мир — люди глупы, бездумны и нелюбопытны. Их хочется поставить в неловкую ситуацию. На примере продемонстрировать им их непроходимую глупость...

Тут мысль Евы снова сделала очередной зигзаг.

«Хорошо, когда у тебя нет родителей», — подумала она.

Идея странная, но, опять же, не лишенная определенного смысла. Ты не должен жить для них, ради них, беречь их нервную систему. Они ушли, значит, и тебе можно.

Родители Евы умерли, когда она еще училась в школе, в пятом классе. Погибли в автокатастрофе. Как-то очень глупо — куда-то поехали без особой надобности, нужно было знакомым помочь... Ева не знала подробностей. Пару лет ей вообще говорили, что ее родители внезапно уехали в какую-то срочную командировку. Еве в это не особенно верилось, но что на такое возразишь? Не могла же она себе представить, что они мертвы...

Ева так и не видела родителей в гробу. Так что, потом, уже с возрастом, даже примирившись, в целом, с мыслью, что их больше нет, она все равно никак не могла этого понять. С одной стороны, вроде понятно, а с другой — постоянно думаешь о них как о живых. С мертвым надо прощаться. Если ты не простился с мертвым, он продолжает оставаться живым где-то в закоулках твоего подсознания. Он словно уехал куда-то, отлучился на время, но жив...

Тут Ева подумала, что ее труп обязательно будут хоронить в закрытом гробу, потому что вода неизбежно изуродует ее тело. Так что, закрытый гроб гарантирован ей, можно сказать, по медицинским показаниям. Ева снова внутренне улыбнулась... Идея с утоплением нравилась ей все больше и больше, ведь в результате она для всех останется чуть-чуть живой. Кто увидит ее в гробу, если гроб будет закрыт? Никто. А это, по нынешним меркам, уже настоящий вход в вечность.

Когда родители Евы умерли, ее стала воспитывать бабушка. Она тоже умерла несколько лет назад. Долго перед этим болела, в последние два года не могла самостоятельно передвигаться. Мучилась, мучилась. И умерла. Тогда Ева впервые поняла, что смерть — это вовсе никакая не трагедия, а самое настоящее избавление от трагедии. И сейчас... Сейчас Ева осознавала это вновь, с новой силой. Осознавала со всей возможной определенностью.

Ева видела бабушку в гробу, перед тем как его спустили в подвальный этаж крематория. Это многое меняет. Специалист, занимающийся подготовкой покойников к торжественной церемонии захоронения, тогда очень постарался. Ее любимая бабушка Даша помолодела в гробу лет на десять, а то и на пятнадцать. Она лежала в нем такая умиротворенная, такая спокойная. Даже счастливая. Светлое лицо, живой румянец на мертвых щеках. Казалось, она просто спит. И в обычной жизни она давно не выглядела такой счастливой.

— Вот хамка какая! — услышала Ева позади себя.

Она не поняла, что случилось. В растерянности замедлила шаг и повернулась. Странно, ей казалось, что на этой тихой островной набережной никого не было. А сейчас прямо позади нее стояла щупленькая старушка. Лицо морщинистое, ссохшееся, как сухофрукт. Абсолютно седые волосы торчат из-под странной шапки наподобие тех, что бывают у монахинь. Вся в черном, с заплечным рюкзачком и большой клюкой. Неужели Ева ее не заметила? Даже умудрилась толкнуть, а не заметила...

— Извините, если я вас толкнула... Я просто очень спешу. Простите, — пробормотала Ева и, едва переведя дыхание, тут же побежала дальше.

— Куда бежишь, дура?! Вода-то не утечет! Спешит она...

На какой-то миг Еве показалось, что она ослышалась. Не может быть... «Вода-то не утечет»... Ева остановилась, снова повернулась и в недоумении уставилась на старуху.

— Извините, это вы мне?

— Тебе, тебе! Кому еще?! Тут много кого есть, что ли?! — прокаркала старуха.

— Нет, но...

— Вот я и говорю — дура! — отрезала старуха и махнула клюкой. — Топиться собралась...

Дура и есть.

— С чего вы взяли? — комок застрял у Евы в горле. — Почему вы меня оскорбляете?

— Оскорбляют ее, видишь ли! — недовольно передразнила ее старуха. — Назвали как есть, а она — «оскорбляют». Что ж, не так, скажешь? Не то говорю? Вот и все. Молчишь. Значит, так и есть. Все правильно говорю. Мужики ее побросали, а она — топиться давай! Конечно — ума палата! Где те мужики, а где — жисть! Мозгами-то раскинь!

Еву затрясло. От фамильярности, с которой говорила старуха, от собственного бессилия, от обиды, от ненависти. Ей вдруг захотелось накинуться на эту отвратительную, вредную, едкую, тупую старушеницу. Ударить ее со всей силы. Неистово. Размозжить ей голову. Но этот порыв был секундным. Ведь всякий раз, когда мы сталкиваемся с чем-то, чего никак не можем себе объяснить, мы инстинктивно принимаем «благородную» позу — мол, мы выше этого, а потому нам и неинтересно.

А удивиться было чему — злобная старуха словно прочитала ее мысли, словно знала, какие у Евы планы! Так что, Ева осеклась и взяла себя в руки.

— Это полная ерунда! Вам лечиться надо! Хотя, наверное, уже поздно. До свидания, — Ева уверенно развернулась и буквально рванула с места.

— Ага, до свиданьица... — язвительно крикнула ей вслед старуха. — Еще и врет, зараза! Врет ведь в глаза прямо! Врет и не краснеет! И себе ведь врет! Истеричка. Думаешь, по тебе не видно ничего?! Ан нет, милая, все видно! Все! С жиру ты бесишься! Счастья ищешь. А пока человек его ищет, оно от него бежит. Так что, беги-беги, родная! Все правильно делаешь! А вода ж, все одно, не утечет! Помяни мое слово!

Потерянная душа ищет знаки. Она ищет послания из того — своего мира. Если она права, если ее воспоминания о мире, где правит Красота, не галлюцинация, не фантазия, а правда, то этот мир должен быть и здесь, где-то рядом. И он должен говорить с ней — с душой. Он должен подсказывать ей — как быть, что делать, куда податься, где искать помощи и защиты.

Душа ищет знаки и не замечает, что с ней разговаривают. А с ней разговаривают... Всегда. Душа не одна в этом мире. В этом мире тысячи, миллионы, миллиарды других душ. И среди них есть те, что пришли сюда не только затем, чтобы проходить свои испытания, но и затем, чтобы помочь другим проходить их испытания. Они приходят, чтобы говорить...

Но нужно уметь слышать. Нужно уметь слушать. Нужно быть чувствительным. Нужно быть чутким. Когда один человек говорит с другим человеком, они обмениваются информацией. На более тонком уровне в ту же секунду разговаривают их души. Они воркуют, как голуби — вы не можете понять смысл, но вы знаете, что он есть. Но мы слушаем умом, а не сердцем. Ум же человека всегда эгоистичен, он все подвергает сомнению, сопротивляется.

Люди отталкиваются друг от друга, хотя их души так и не успели рассказать друг другу о главном. И часто именно те люди, которых мы отталкиваем с особой силой, говорят с нами о том, что услышать для нас важнее всего...

Ева последний раз оглянулась назад — ошарашенная, сбита с толку, как будто взятая врасплох. «Счастья ищешь. А пока человек его ищет, оно от него бежит». Старуха все еще стояла на своем прежнем месте и продолжала воинственно грозить ей своей огромной клюкой. Неприятный нервный холод пробежал у Евы по спине.

Откуда эта старуха знает, что Ева решила покончить с собой? А этот бред про мужиков...

Что значит, они ее бросили? Какая глупость! Наоборот, Ева их бросила. Впрочем, нет, не может быть, это простое совпадение. Сумасшедшая старуха с кем-то ее спутала... Чувство обиды поднялось с новой силой и захлестнуло Еву.

— Да пропади оно все к чертовой матери! — прошипела она про себя. — Сил больше нет. Бессмысленно! Как это все гадко! Все это терпеть...

Ева замедлила шаг. Казалось, ее оставили последние силы. Она утерла слезы и оглянулась по сторонам, словно прощаясь. Высокие деревья с зелеными кронами, разбитая дорога под ногами. Все это она видит последний раз. Но это и к лучшему. Какой-то раз все равно будет последним. С этим надо примириться. Все надо принять как есть. Нужно уйти из этого мира с чистым сердцем.

Нельзя брать с собой всю эту тяжесть, всю эту боль, всю эту несправедливость и это, такое ужасное, такое отвратительное отношение людей друг к другу. Почему люди считают в порядке вещей делать другому больно? Ева невольно оглянулась назад. На набережной — ни души. Ни одного человека. Старуха, наверное, свернула в одну из тихих аллей парка...

Нет, Ева уйдет из этого мира, оставив все его гадости здесь. Пусть ее не любят, не ценят, оскорбляют. В конце концов, это на их совести. Ева уйдет из этого мира не потому, что ее вынудили к этому, не «на аффекте». А потому, что она сама так решила. Она уйдет, потому, что ей здесь больше нет места. Ей здесь больно...

Мост был уже совсем рядом. Ева посмотрела на воду. Такая тихая, спокойная, а на самом деле — такая коварная стихия. Как жизнь — внешне счастливая и беззаботная, а внутри такая прогорклая, пустая, бессмысленная и вместе с тем страшная. Ева почувствовала, как эта водная гладь с непреодолимой силой манит её. Манит... Тишина, покой, абсолютное спокойствие.

Жизнь не так хороша, как кажется. И у нее нет никаких прав требовать от человека, чтобы он жил. У нас нет перед жизнью никаких обязательств. Ева сама решит — жить ей или не жить. Спокойно и взвешенно. Это ее выбор. Она смогла отказаться от Глеба, хотя думала, что это ей не по силам. Нет, по силам. А если уж она такое смогла, то прыгнуть с моста... Забавный пустяк.

Ева поднималась на мост то ли как на эшафот, то ли как на царственный трон. Где-то глубоко внутри ей было жутко. Но, на самом деле, она чувствовала себя прекрасно. То, что она приняла это решение, освободило ее. Когда она отказалась от Глеба, она не почувствовала такого облегчения, ведь еще оставалась ее жизнь... Облегчение она ощутила только сейчас, когда отказывалась от самой жизни. Все правильно.

Ева, наконец, оказалась на середине моста. Никого нет. Только редкие машины... Она подошла к краю, перекинулась корпусом через чугунную ограду, выкрашенную в грязно-зеленый цвет. Там виднелась подножка. Можно поставить ноги, все еще держась за ограду руками, а затем... Раскинуть руки и полететь. Предвкушение полета почему-то сделало Еву счастливой. Страх в ней уже не осталось. Чего бояться, если ты уже все решил и сейчас самое плохое, самое ужасное в твоей жизни закончится?

Закончится с жизнью... Но за все нужно платить. И, право, это самая никчемная, самая незначительная, самая нелепая плата. Расстаться с жизнью, которая приносит тебе одни только страдания, которая дурачит тебя надеждой, чтобы затем насладиться твоей болью, твоим несчастьем, твоим разочарованием... Нет, такую плату большой не назовешь. Свобода, чего бы она ни стоила, все равно — дороже.

Тут же Ева почувствовала, как ее сковывает напряжение. Какое-то внутреннее сопротивление... Медлить нельзя! Она как раз в нужном настроении. Необходимо действовать. У нее все получится. Ева оперлась на перила мостовой ограды, подтянулась на руках и перекинула через них ногу. В нескольких метрах под ней сплошным потоком текла вода. Высоко. Жутко. Дрожь пробежала по всему ее телу. Голова закружилась.

— Ничего страшного, — прошептала Ева и закрыла глаза.

Она двигалась на ощупь. Лишь иногда открывая глаза, чтобы удостовериться...

Закинув руки назад, держась за чугунную ограду уже с той — другой — стороны.

Ева стояла прямо над водой и в любую секунду была готова сорваться вниз.

Решение о смерти, которое принимает человек, переживающий тяжелейший духовный кризис, конечно, разновидность безумия. Но что поделать? Безумие и недееспособность — это разные вещи. Конфликт разума и души достигает своей финальной, кульминационной точки. И это самое страшное, самое сложное, самое опасное испытание, какое только может выпасть на долю души...

Душа, не верящая в смерть, не понимающая, что смерть вообще возможна, загнана разумом отчаявшегося человека в угол. Логика его рассуждений в какой-то момент берет верх над силой душевного чувства: если мир зол, глуп, невежествен и жесток, то что делать в нем светлой душе? Разум словно предоставляет душе последнюю возможность самой сказать — «Да, я согласна умереть».

В этом есть что-то дьявольское... Быть может, если душа сама согласится на смерть — это и будет моментом ее подлинной смерти? Может быть, так ее действительно можно убить?.. Но душа не может, не способна... И хотя у нас нет никаких логических оснований продолжать жить, если все в самой этой жизни говорит об обратном, но душа... Душа хватается за соломинку.

Странное место отведено Богу в жизни человека. Ему отведена роль соломинки. О нем вспоминают именно в тот миг, когда все прочие аргументы исчерпали сами себя. Он появляется в нашей жизни в тот момент, когда, кажется, даже дворовый пес отказался бы от нас... Нищие духом — да утешатся.

Вода неслась под Евой с огромной скоростью. С берега все выглядело иначе. С берега казалось, что вода в реке движется медленно. А отсюда, сверху, с моста, открывался совсем другой вид. Это было настоящее течение — сильное, мощное, напряженное.

Еве вдруг стало так больно, так тяжело, что она чуть не взвыла. Тяжесть навалилась такая, что Еве казалось — сейчас она обвалится вниз вместе с мостом. Она уже не хотела умирать, но еще больше, еще надсаднее, еще нестерпимее ей было жить.

— Господи, прости меня... — прошептала Ева, закрыв глаза, и решительно подалась вперед.

Руки напряглись, словно две слабые нити, все еще связывающие ее с жизнью. Пальцы покраснели от напряжения. Еще мгновение, и Ева бы уже летела вниз навстречу собственной смерти, но... Голос противной старухи, явившейся ниоткуда, словно по волшебству, ошаршил и остановил Еву в последнюю секунду.

— Вот молодец! — проскрежетала та старческим голосом. — Решила с жизнью распрощаться и молится напоследок! Вот молодец! Вот разумница, прости меня Господи! Ну, дура-дурой! Откуда такие берутся?! Это же в цирке надо показывать! А еще меня лечиться посылала, безумица... Совсем совести нет! Совсем!

Ева открыла глаза и теперь уже не с удивлением, а с каким-то животным ужасом уставилась на старуху, которую впервые повстречала несколько минут назад на набережной. Она стояла совсем рядом, облокотившись на перила моста, и, свесившись корпусом вниз, безразлично наблюдала за потоком воды. Но откуда она взялась? Она же куда-то свернула! Как она может быть здесь?! Перелезая через ограду, Ева видела, что на мосту никого нет!

— Ты не обо мне, ты о себе думай! — прервала ее размышления старуха.

— Кто вы?.. — прошептала Ева. — Что вам от меня надо?.. Вы меня знаете?..

— Надо, не надо. Знаете, не знаете, — передразнила ее старуха. — Какая разница, дитятко?!

Какая тебе разница? Я о тебе говорю, а ты все не можешь слышать. Совсем зарепортовалась, милая.

— Обо мне?.. — в ужасе повторила Ева, словно только что расслышала эти слова.

— А о ком еще? Много тут людей, что ли? Нет. Всех разогнали к твоему приезду, — морщинистое лицо исказилось в ироничной усмешке. — Барыня топиться надумала, и всех разогнали. Ты вопрос-то мой услышала, родимая?

— Вопрос? — непонимающе прошептала Ева и инстинктивно прижалась к перилам.

— Ага, он самый — вопрос! — противно хихикнула старуха. — Говорю: о чем думаешь, когда молишься перед самоубийством? Не глупо ли?..

— Я не молилась...

— «Господи, прости меня...» — это у нее не молитва называется! — расхохоталась старуха. — Молитва. Она и есть.

Ева вдруг поняла, что последние ее слова были обращены к Богу. Последний, кому она сказала свое слово, был Бог. И если бы не старуха, которая остановила Еву перед самым прыжком, Он был бы тем единственным, с кем Ева попросилась перед смертью! Она была потрясена. Ева никогда бы не подумала, что так будет, что так вообще может быть.

Ее отношения с Богом всегда, если так можно выразиться, были «натянутыми». Она не могла поверить во все то, что о Нем рассказывают. Любимая фраза Евы, вычитанная ею в какой-то страшно умной книге по космологии, звучала следующим образом: «Я не понимаю, почему мы должны столько думать о Боге, если Он так мало думает о нас».

И, действительно, Бог допускает столько жестокости и несправедливости, что поверить в Его любовь к людям — невозможно. Он не добрый, более того — бесчувственный. Бог забрал у Евы родителей, когда она была еще совсем ребенком. Он наделил Еву умом, талантом, красотой, но не сделал счастливой. Словно игрался с ней — дал все, чтобы не дать ничего.

Но сейчас, в последнюю минуту своей жизни, она подумала о Нем — о Боге. Она просила у Него прощения, словно слабое, непослушное, непоседливое дитя, которое не смогло сделать то, что от него требовалось. Что же получается, она действительно признает в Нем своего отца? И ее бунт против Бога был просто подростковым максимализмом, юношеским протестом, страстью «растущего организма» к низвержению всяких кумиров и авторитетов?.. Ева была ошарашена.

— Ты что угодно можешь о Нем думать, — протяжно сказала старуха, словно знала каждую мысль, что звучала сейчас в голове Евы, — но если ты о Нем думаешь, ты в Него веришь. Как можно говорить с тем, в кого не веришь?..

Старуха усмехнулась, но ее лицо, вдруг, стало мягче и добрее.

— Я верю?.. — растерянно прошептала Ева.

— Конечно, а как еще? — уверенно сказала старуха. — И теперь подумай: вот как можно верить в Бога и при этом так со своей жизнью играть? Не дурная ли? Разве ты знаешь, какой у Бога план на тебя? А если не знаешь, то куда спешишь, куда лезешь, почему торопишься? Вода не утечет...

Старуха повторила фразу, которую сказала Еве еще на набережной. Но до Евы только сейчас дошел ее смысл.

— Вода не утечет... — повторила она беззвучным эхом.

— Вот-вот, — старуха согласно кивнула головой, — я и говорю. Если у Него на тебя такой план, то никуда ты от воды не уйдешь. А если у Него нет такого плана на тебя, зачем в нее лезешь? Страх потеряла?

Ева поежилась и еще плотнее прижалась к ограде.

— Но если Он любит... — прошептала Ева.

— Почему он допускает страдание?

— Хороший вопрос. Дурной, но хороший,

— оживилась старуха. — Бог тебя любит. Как иначе, если ты Его доча? И зла Он тебе не желает. И ничего плохого быть с тобой не может.

— Ничего плохого? — Ева почувствовала, как ее глаза снова наливаются слезами. — Но мне плохо... Мне очень плохо, правда... Очень... Боль внутри...

Будто какой-то червь с новой силой ел ее душу. Ева почувствовала как слабеют ее ноги, как ее тянет вниз. Словно какая-то неведомая сила...

— Я же не говорю, что тебе не больно, — пожалала плечами старуха. — Конечно, больно. Но если это не Бог сделал, то кто тогда?

Старуха уставилась на Еву своим тяжелым, пронзающим взглядом.

— Кто?.. — не поняла Ева.

— Сама делов наделала, сама запуталась, а Бог у нее виноват! Вот что за молодежь нынче пошла?! Что за молодежь?! — старуха стала раскачиваться из стороны в сторону и недовольно махать свободной рукой. — Ладно, заболталась я тут с тобой. Пойду. Пора мне. Пока, милая. Пока!

— Пойдите! — крикнула ей Ева и стала быстро перебираться через ограду.

Ее ноги оцепенели от напряжения, словно налитые свинцом. Ева пыталась их поднять, переставить, но они ее почти не слушались. С огромным трудом, подтягиваясь на руках и еле держа равновесие, Еве удалось, наконец, перелезть через ограду моста. Она посмотрела вокруг — в одну сторону, в другую. Никого. Старуха снова словно растаяла в воздухе. Ева вздрогнула...

«Сама делов наделала, сама запуталась, а Бог у нее виноват!» — прозвучало в ее голове.

Виновата? Сама Ева виновата? У Бога есть план для Евы, но Ему нет нужды, чтобы Ева страдала. И если она страдает, то винить в этом Бога — нелепо, глупо... несправедливо. «Сама делов наделала»... Каких «делов»? Что Ева сделала не так?..

Ева пошатнулась, инстинктивно схватилась за ограду моста. «Мужики ее побросали, а она — топиться давай! — вихрем пронеслось в голове Евы. — Конечно — ума палата! Где те мужики, а где — жисть! Мозгами-то раскинь!» Мозгами-то раскинь... Где мужики, а где жисть...

Прямо перед ней, у самого основания моста, стояла маленькая, по-немецки аккуратная, почти готическая... красная кирпичная церковь. Церковь Усекновения главы Иоанна Крестителя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Самое важное решение в твоей жизни приходит спонтанно, словно ниспосланное свыше. Ты мечешься между вариантами выбора, думая, что набор этих выборов ограничен и известен, а потому у тебя просто нет другой альтернативы — или так, или иначе. Но именно в этом ошибка. Альтернатива есть всегда, поскольку мир не знает границ.

Постоянно расширяясь, как гигантский мыльный пузырь, Вселенная играет с тобой, предлагая тебе новые и новые варианты. И как только ты решишь, что нашел правильное решение, ты попадаешь в ловушку. Твое «единственно правильное» решение — один большой подвох. Ведь общий принцип продолжает действовать — альтернатива есть всегда. Особенно если тебе кажется, что ее нет...

Никогда еще Ева не чувствовала себя такой счастливой! Все, до того разрозненные, пазлы ее мира сложились, наконец, в целостное, единое полотно. Все оказалось так просто, так идеально просто, что Ева не могла поверить... Столько лет она билась над этой задачей, и все безрезультатно, а ответ был совсем рядом. Он был здесь даже прежде вопроса, просто нужно было оглянуться...

Не надо бежать к счастью, не нужно искать его или догонять. Оно не прячется, оно рядом. Это надо просто понять, и тогда все сразу встает на свои места. Если ты страдаешь, то только потому, что сам что-то делаешь не так. Нужно просто понять — что именно? А дальше — это как уравнение для третьего класса.

И Ева поняла: вся проблема ее жизни — это отношения с мужчинами. Она искала в них Бога, которого могла бы боготворить, а находила лишь слабых людей. Она искала в них Отца — мир, в котором можно спрятаться, в котором можно раствориться. Но такие мужчины — миф, их не бывает. Она разочаровывалась и страдала. А другого, впрочем, и быть не могло.

Она искала Бога... Но почему она сразу не шла к Нему? Почему она искала Бога в человеке, в мужчине, и не обращала внимания на то, что Он рядом. Как счастье... Он и есть — Счастье. Тот, в ком можно раствориться, Тот, кого можно боготворить, Тот, кого можно любить со всей страстностью, на которую только способна ее душа.

У Бога есть план. У Него есть план на каждого из нас. И каков Его план на Еву?.. Она искала Бога. Его план для Евы — она должна была Его найти. И она нашла, нашла, чтобы любить, чтобы боготворить, служить ему. Ева поняла, почувствовала свое предназначение. Она стояла на коленях перед алтарем, и слезы счастья сбегали по ее лицу...

— Господи, милостивый и милосердный, — шептала она, — я пришла к Тебе. Я пришла, чтобы остаться с Тобой навсегда. Мне больше не нужны мужчины. Никакие. Никогда. Я больше не хочу их знать. Ты — единственное, что я хочу знать, Тебе я хочу принадлежать всецело. Прими, Господи, меня в свои объятия. Сегодня я умерла для мира, чтобы родиться для Тебя одного. Господи, не откажи... Господи, я люблю Тебя! Я люблю Тебя всей силой своей души, каждой ее толикой, каждым ее движением. Ее дыхание, Господи, это моя любовь к Тебе! Я люблю Тебя, и я счастлива своей любовью! Слышишь меня, Господи! Я могу быть теперь лишь Твоей невестой! Лишь Твоей суженой! Как же, должно быть, счастливы монахини, которые отдали Тебе себя нетронутыми... Как же, наверное, они счастливы! Пусть я не такая, пусть я испорченная, пусть Ты никогда не будешь любить меня так, как ты любишь их, но я, все равно, отныне и навсегда буду принадлежать только Тебе! Только Тебе! И не знает тот, кто не отказывался от Тебя, сколь Ты велик и прекрасен! И не знает тот, кто не предавал Тебя, сколь

Ты добр и милосерден! И не знает тот, кто не пытался искать Тебя там, где Тебя нет, какое счастье, когда обретаешь Тебя — единое зерно среди мириад плевел! Я отказывалась, я предавала, я искала Тебя там, где не следовало искать... Я сделала все, чего не следовало делать. И сегодня прежняя Ева умерла. Сегодня я Твоя Ева, новая, любящая, очищенная Твоею любовью... Спасибо, Господи! Спасибо...

Ева продолжала шептать эти слова, стоя на коленях перед алтарем. Загадочный, закатный солнечный свет шел откуда-то сверху. словно божественные руки ласкали и убаюкивали Еву. А она шептала, шептала... свои признания. Сегодня она, наконец, смогла полюбить. Полюбить по-настоящему. Не физической страстью, не разумом, а сердцем...

— Главное — никогда не отказываться от своей любви... Никогда... Что бы ни случилось... Любить... До последней минуты, до последнего вдоха... Любить... Ибо Бог есть любовь... Завет любви между тобой и Богом... — Ева услышала голос, которым, казалось, говорило само ее сердце.

Она подняла глаза и... увидела Ангела. Он стоял прямо перед ней — юноша, прекрасный, как сияние солнца. В белых одеждах, с ослепительно белыми крыльями за спиной. От него исходило сияние, которое Ева с трудом могла выдержать, но не могла оторваться. Ее глаза слезились, но она бы продолжала любоваться им, даже если бы он выжег их до самых глазниц.

— Ты слышишь меня? — растерянно, смущаясь самого своего голоса, спросила Ева.

— Я всегда слышу тебя, — улыбнулся Ангел. — Я слышу даже твои мысли...

— Ты пришел, чтобы принять мое обещание? — неуверенно спросила Ева.

— Да, — коротко ответил Ангел.

Ева почувствовала блаженную улыбку на своем лице.

— И ты принимаешь мое обещание быть верной Богу и только Ему?..

Какая-то едва уловимая тень пробежала по лицу Ангела, но Ева не заметила этого.

— Принимаю, — сказал он, слегка кивнув головой.

— Я теперь принадлежу только Богу, и никому больше! — Ева беззвучно рассмеялась.

— Да, — сказал Ангел и чуть отступил назад.

— И я буду счастлива?! — воскликнула Ева, совершенно не ожидая, что ответ может оказаться каким-то другим.

Ангел отступил еще на шаг, потом на два, чуть сторбился. Сияние стало заметно слабее. Его лицо посуровело. Он стал медленно отворачиваться. Но, казалось, он не мог этого сделать, не мог оторвать свой взгляд от глаз Евы. Ева держала его, подобно натянутому над пропастью канату — от глаз к глазам. В последний миг лицо Ангела еще более исказилось, приобрело странные, неестественные черты. Он словно умирал, отрывая свой взгляд от глаз Евы, словно вырывал его из ее глаз с самой своей жизнью.

— Все не так просто, Ева... Все не так просто... — услышала она в последний миг и очнулась.

Ева снова была одна — на коленях перед алтарем. Никого вокруг. Только несколько старушек у входа оживленно обсуждали Яблочный Спас. Да еще какой-то странный горбун суетился чуть впереди, возле иконы Спасителя.

Ева вздрогнула, как иногда случается с человеком, который внезапно очнулся от кратковременного сна, и огляделась. Наваждение... Она поняла, что это было наваждение. Но какое! Бог говорил с ней через своего Ангела!

Воспоминание об этих секундах общения с Ангелом наполнило Еву несказанной радостью. Она приняла свое решение. Теперь уже абсолютно точно. Сам Господь помог ей определиться окончательно, неотвратно... Он благословил ее решение...

Ева поднялась с колен, перекрестилась, улыбнулась и пошла прочь.

Она шла по дорожке от этой церкви и что-то тихо напевала про себя. Она не могла понять, что это за песня, но самое это пение ласкало ее внутренний слух, и Ева не хотела прерываться. Теперь в ее жизни все понятно. Она посвятила себя Богу.

Сейчас Ева уволится с работы и пойдет в монастырь. Какой-нибудь послушницей, может быть. Не имеет значения. Монастырь нужен ей не для того, чтобы найти там учителя и какое-то особенное знание, а просто для того, чтобы спрятаться от мира.

Ева жаждала абсолютного уединения. Теперь уже ей никто не был нужен. У нее есть Бог, и этого абсолютно достаточно. Ей есть кого любить, а сама она уже давно любима. Это она поняла сегодня. Поняла каждой толикой своего существования.

Она вспоминала Ангела, который явился ей в церкви, и сердце ее замирало от восторга. Она не могла об этом мечтать, но все же в ее сердце затаилась надежда: вдруг этот прекрасный юноша еще явится ей — в своих белых одеждах, в своей неземной красоте.

Ева мечтательно смотрела на закатное небо и внутренне ликовала. Все ее прежние страдания из-за мужчин казались ей теперь такими нелепыми, глупыми, не стоящими внимания. Как она могла убиваться из-за этого?! Что вообще она нашла в том же Глебе?..

Теперь Ева поняла со всей отчетливостью: если раньше ей и было больно, то только потому, что она сама — Ева — доставляла себе столько хлопот, пытаясь отыскать Бога там, где его нет, никогда не было и быть не могло.

Бог же никогда не желал ей страданий...

У души есть великое желание прибежища. Места, где бы она могла скоротать дни своей земной жизни. Дни до того светлого мига, когда, наконец, созрев, подобно сладкому фруктовому плоду, она будет готова вернуться обратно — к себе, на родину духа, в мир, где правит абсолютная Красота.

Это желание в ней так сильно, так истово, что она готова идти на любые ухищрения, только бы это бегство ей удалось. И как бы там ни было, этим способом бегства для нее всегда оказывается завет, который она устанавливает с Богом. Неважно, о чем она с Ним договаривается. Важен сам факт этого завета.

Она может взять на себя обет воздержанности перед Господом, может отказаться ради Него от любых своих страстей. Она может посвятить Ему свой труд и стать Его миссионером. Она может, наконец, посвятить Ему свой талант — писательский или художественный. Неважно как, но она договаривается с Богом, отдает Ему себя раньше, нежели Он сам забирает ее душу.

Этот завет, устанавливаемый человеком с Богом, приводит его душу в состояние экстатического восторга. Он радостен. Мир кажется ему исполненным светом... Есть только одна проблема. Бог забирает душу человека не тогда, когда человек просит об этом, а тогда, когда сам сочтет это нужным. Завет человека с Богом — ничто, в сравнении с заветом Бога по отношению к человеку.

А планы Господа неисповедимы...

— Ева! Ева! Вы забыли свое яблоко! — услышала она, вдруг, и обернулась.

От храма к ней бежал, подволакивая ногу, тот самый горбун, которого Ева увидела прямо перед собой, после того как благодать Святого Духа сошла на нее.

— Мое яблоко? — удивилась Ева. — Какое яблоко?

Горбун приблизился и протянул ей красное, словно налитое кровью, яблоко. Он не смотрел на нее, отводил глаза, будто боялся прочесть в ее глазах ужас. Он был страшный, чудовищно некрасивый — с неестественно большим носом, выдвинутой вперед челюстью, чуть раскосыми,

глубоко посаженными глазами, взъерошенными волосами, похожими на мочалку, низким лбом... Он производил впечатление местного церковного Квазимоды, настоящего юродивого.

В храме Ева его не разглядела. А сейчас, при свете солнца, первой реакцией Евы на этого горбуна был животный страх. Затем, уже через секунду, отвращение. Но она поборолась в себе эти чувства. В конце концов, юноша не виноват, что болезнь так изуродовала его тело. И, верно, он так же, как и Ева, посвятил себя Богу. Конечно, это не то же самое, что и поступок Евы, ведь ему, с такой внешностью, выбрать было не из чего...

В любом случае, перед ней стоял первый человек, которого Ева увидела в своей жизни после того, как внутренне абсолютно переменялась, родилась заново. Она отказалась рассматривать мужчин как мужчин — теперь это для нее принцип. И очень символично, что первый мужчина, которого она увидела после своего преобразования, оказался таким уродом. «Лучше внешнее уродство, чем внутреннее», — подумала Ева. Она будет любить всех той любовью, которую она узнала сегодня благодаря Господу. Она будет любить их отсветами своей любви к Нему.

— Вы меня, верно, с кем-то путаете, — участливо сказала Ева, машинально заложив руки за спину. — У меня не было никаких яблок...

Нелепый, неуклюжий горбун расхохотался — добродушно, но жутким, неприятным, вызывающим отвращение смехом.

— Вы неправильно меня поняли! — он продолжал хохотать, заливаясь собственной слюной. Это зрелище было настолько неприятным, что Еву просто передернуло. — Я не об этом! — продолжал он сквозь свой скрипучий смех. — Сегодня праздник — Яблочный Спас! Мы всем прихожанам даем яблоки! Освященные... С праздником! С праздником!

Горбун продолжал протягивать Еве яблоко, при этом отворачиваясь куда-то в сторону. Он разговаривал с Евой, но будто бы и не с ней. Ему явно было ужасно неловко. Он смущался, но ничего не мог с собой поделать. Он вел себя, как трехлетний ребенок, который влюбился в какого-нибудь взрослого, но настолько смущен его присутствием и собственной неуверенностью в себе, что не способен никаким образом выказать эти свои чувства. Только глупо, не к месту и неестественно хохотать или смущенно потупить свой взор.

В Еве боролись противоречивые чувства. Этот человек был ей ужасно, просто физически неприятен, более того — отвратителен. Никогда в своей прежней жизни она не стала бы с ним не только разговаривать, но даже смотреть на него. Тем более, она никогда бы не взяла у такого человека из рук что-либо, а тем более — что-то съедобное.

Но ведь она изменилась! Теперь любой человек для нее — это страдающая душа, и ее долг помогать ему всем, чем возможно. В конце концов, не каждому человеку Бог посылает своего Ангела! А раз уж такое случилось с Евой, она просто обязана делиться с другими этим счастьем! И, конечно, отказать такому уроду, как этот горбун, и без того обиженному жизнью, было бы несправедливо. Она просто не может себе этого позволить!

— Спасибо, — сказала Ева и, преодолевая собственное отвращение, приняла яблоко из рук горбуна.

Яблоко было неестественно красным и еще теплым, даже горячим. Словно его только что держали в духовке.

— Хорошего праздника вам, Ева... — сказал горбун и попятился.

— Ева? — испуганно переспросила она через мгновение. — Вы знаете мое имя? Откуда? Мы уже когда-то виделись?

Только сейчас Ева, вдруг, поняла, что, когда горбун бежал к ней по дорожке от храма, он уже называл ее по имени. Но она была настолько увлечена своими мыслями, что не заметила этого.

— Иногда можно делать маленькие чудеса, если ты не хочешь, чтобы другой человек чувствовал себя одиноким... — уклончиво ответил горбун.

Ева смешалась. Если верить словам горбуна, то получалось, что он каким-то чудесным образом узнал ее имя, чтобы дать ей ощущение, что она не одна в этом мире. Подобное объяснение казалось Еве, по меньшей мере, странным, но она решила ничего не уточнять, а просто перевести разговор на другую тему.

— Яблочный Спас — это такой христианский праздник? — спросила она без малейшего интереса в голосе, раздумывая о том, что время, когда она чувствовала себя одинокой, безвозвратно осталось в прошлом, теперь она не одна, она — с Богом.

Внезапный смех горбуна вывел Еву из состояния глубокой задумчивости. Она почувствовала себя ужасно неловко.

— Почему вы смеетесь?.. — грозно сказала она. — Я сказала что-то очень смешное?

— Нет... Извините... Я не... Простите... — горбун начал извиняться, пытаясь справиться с приступами смеха, но от этих его безуспешных попыток, сопровождавшихся характерными «вспрыскиваниями», ситуация выглядела все более дурацкой, а Ева чувствовала себя в еще более неловком положении. — Церковный праздник — Преображение Господне... — горбун наконец справился со своим безудержным весельем и смог выдать из себя нужный ответ.

Впрочем, Ева по-прежнему не понимала, что его так сильно развеселило.

— А Яблочный Спас — это, я так понимаю, просто народное название этого праздника, — сухо заметила Ева. — Просто сбор урожая совпадает...

Ева заметила, что горбун начал с подчеркнутой серьезностью кивать головой в знак согласия.

— Совпадает, — продолжила Ева, — с преображением Иисуса Христа, после того как Он воскрес из мертвых...

Ева не успела еще закончить свою мысль, как нелепый горбун снова расхохотался и, более того, плохо держа равновесие, повалился со смеха на землю.

— Нет-нет! — замахал он своими кривыми руками, пытаясь, видимо, не только высказаться, но и подняться. — Воскрешение — это Пасха. Помните: «Христос воскрес! Воистину воскрес!»... Это Пасха. А то Преображение Господне...

Ева почувствовала себя полной дурой, да вдобавок к тому — оказавшейся в дурацкой ситуации.

— Ах да, я перепутала... — сказала она, пытаясь собраться с мыслями. — Преображение — это...

Но завершить свои рассуждения Еве не удалось — горбун шокировал ее своей просьбой:

— Извините, вы не можете мне подняться? У меня самого не получается... Ноги не слушаются... И горб...

Ева невольно сглотнула слюну. Она уставилась на протянутую ей руку горбуна, как на какую-то гадюку, к которой она по каким-то непонятным причинам должна прикоснуться.

— Да, конечно... — пролепетала она и после некоторой заминки взялась за нее двумя пальцами. — Поднимайтесь...

Двух пальцев не хватило. Еве пришлось сильно напрячься, чтобы помочь горбуну снова оказаться на ногах.

Фу-х, спасибо! — поблагодарил ее горбун и тут же продолжил: — Преображение Господне — это очень важный праздник. Однажды Иисус с тремя своими учениками — Иаковом, Иоанном и Петром — отправился для молитвы на вершину горы Фавор. Пока он молился, ученики, утомленные долгой дорогой, уснули. А когда внезапно проснулись, увидели Иисуса... Его лик сиял, одежда была пронизана светом, и Он разговаривал с двумя пророками — Илией и

Моисеем. Они говорили о страданиях и о смерти, которые предстояли Иисусу на Голгофе. Потрясенные ученики просили Христа остаться в этом преображенном состоянии, но раздался голос Бога... — горбун сделал долгую паузу, словно о чем-то задумался. — Ученики в благоговейном ужасе пали на землю, а когда поднялись, Учитель стоял перед ними уже в прежнем своем обличье. Он велел им никому не рассказывать об увиденном до тех пор, пока Он не умрет и не воскреснет.

— А что сказал Бог? — спросила Ева. — Ну, когда раздался Его голос...

— Что Он сказал?.. — переспросил горбун, словно выйдя из какого-то оцепенения. — Не знаю. Никто не знает. Господь говорит с каждым так, что может понять только тот, к кому Он обращается. Но, поняв, не может пересказать другому. У Бога для каждого из нас свой шифр...

Ева недоуменно пожала плечами. Ей показалось, что горбун все несколько преувеличивает. Впрочем, если он сам никогда не разговаривал с Богом, как, например, Ева, откуда ему было знать?..

— А почему вы говорите, что это важный праздник? — уточнила Ева.

— Почему? — переспросил горбун и задумчиво ответил на этот вопрос: — Петр видел Иисуса преображенным, а затем трижды предал его. Иоанн видел Иисуса преображенным, а затем написал Апокалипсис...

Судя по всему, горбуну его ответ казался исчерпывающим, но Ева его не поняла. Что это могло значить?..

Душе свойственно обольщаться, и она тяготеет к простым ответам. Если ей кажется, что она смогла заглянуть за границы этого мира, или если ей даже действительно это удалось, она перестает относиться серьезно к тому, что происходит вокруг. Сравнивая то, что она видит в этом мире, с тем, что она увидела в момент своего просветления, она действует подобно математику, который решает умножить нечто на ноль. Обнуление — простой и действенный способ...

Обнулить можно все — и счастье, и страдание, и глупость, и мудрость. Обнуляя, ты возвращаешься к началу, которое, на самом деле, и есть конец. Но душа этого не понимает, не замечает, игнорирует эту очевидность. Открыв простой способ разобраться со всеми проблемами мира одним махом, она не может лишиться себя этого удовольствия. Ее завораживает возможность сравнить сущее с тем, что находится за его пределами, и вычеркнуть его как незначимое.

Но будет ли это правильным? И для того ли задумывалось сущее, чтобы кто-то, решив, что ему известна истина, стал обнулять его, причем на том только основании, что так удобнее и легче? Когда нам открывается истина, мы приходим в восторг и испытываем эйфорию. Мы, кажется, совершенно не способны понять, что задача Откровения — не решить наши проблемы, а поставить перед" нами вопросы, которые, на самом деле, куда сложнее тех, что прежде вызывали у нас ужас, апатию и состояние внутреннего коллапса...

Если вы не прогоните меня, то я смогу рассказать вам еще много всего... — сказал горбун. Его желтоватые щеки покрылись бледным румянцем.

— Я и не собиралась вас прогонять, — неожиданно для самой себя стала оправдываться Ева.

Впрочем, это ее оправдание выглядело не слишком убедительным, и ее намерение расстаться с непрошеным собеседником было более чем очевидным.

— Я не напрашиваюсь... — замотал головой горбун.

— Возможно, я не показалась вам очень любезной, — поторопилась разубедить его Ева и тут же замялась: — Но это... Просто... В общем... Как вас зовут?

— Вы называете меня горбуном, зовите так и дальше, — доброжелательно, без тени какого-либо осуждения в голосе сказал горбун.

— Я называю вас горбуном? — испугалась Ева.

— А разве не так? — улыбнулся он куда-то в сторону.

Ева замерла в недоумении. Неужели она, действительно, в какой-то момент проговорилась и назвала его горбуном? Нет, не может быть. Но откуда он знает, что она так о нем думает? Впрочем, растерянность была недолгой, и Ева даже улыбнулась, поняв, что к чему. Видимо, все, кто знакомится с этим человеком, думают о его горбе, а потому за глаза обычно зовут его горбуном. Вот он и решил, что Ева подумала так же... Дедуктивный метод.

— Если вы скажете мне свое имя, я буду называть вас иначе, — примирительным тоном сказала Ева.

— Не надо иначе, — снова улыбнулся горбун. — Это правильно.

Ева чуть смутилась, а затем поняла, что ему, вероятно, так просто привычнее и, наверное, он не считает такое «имя» оскорбительным.

— Ну, горбун так горбун, — согласилась Ева. — О чем вы еще хотите мне рассказать?..

— О чем захотите! — весело воскликнул горбун.

Он произнес эти слова как ребенок, которому долго не уделяли внимания, а потом, вдруг, кто-то из вечно занятых взрослых, наконец, снизошел до того, чтобы поиграть с ним хотя бы несколько минут. Ева видела, что он был счастлив. Абсолютно счастлив.

В какой-то момент, несмотря на все свое смущение, он даже поднял на Еву глаза. Их взгляды пересеклись. Это продолжалось какую-то долю секунды, мгновение. Но в этот миг с Евой произошло странное. Нельзя сказать, чтобы у нее закружилась голова, нет...

Мир, вдруг, на мгновение изменил свои краски. Как будто вспышка света... Небо качнулось и, как по волшебству, застелило собою землю. Ева увидела мир словно из окна самолета — весь залитый солнцем, в идеально белой, теплой, нежной пене облаков.

Это видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Ева внутренне улыбнулась и подумала: «Почудилось...»

Горбун почему-то тут же стал рассказывать Еве про ангелов. И рассказ этот был удивительным! Ничего подобного Ева никогда в своей жизни не слышала! Чувствовала себя замороженной и счастливой, словно ребенок!

Они прошли вглубь небольшой рощи и расположились на небольшой скамейке в уютном уголке церковного парка. Горбун рассказал Еве о том, что ангелы живут в загадочном мире Красоты. Там небесный свод как бы вывернут внутрь, и по нему, как на ипподроме, кружат боги в своих прекрасных, удивительных колесницах.

Ангелы не служат богам, как обычно думают люди. Ангелы служат самим людям, точнее, их душам. Когда душа человека оказывается в телесной оболочке, ангел, оставаясь на границе небесного свода, следит за тем, что происходит с человеком. Он не может помочь человеку, вмешаться в его жизнь, но он подсказывает ему, как пройти те испытания, которые выпадают на его долю.

Когда Ева спросила горбуна, почему на долю души выпадают испытания, он рассказал ей о том, что такое «обретение Красоты». Души — как малые дети. Они прекрасны сами по себе, но абсолютно зависимы и обладают лишь интуитивным знанием, которое далеко не всегда оказывается правильным. Чтобы душа пробудилась, она должна встретиться с мнимой красотой, очароваться ею, а затем, когда она разочаруется (это, говорил горбун, случится неизбежно), она поймет, что такое истинная Красота.

«И все люди это понимают?» — спросила Ева. Нет, не все. Каждый поймет, но лишь в тот момент, когда наступит его время, когда он будет готов к этому. «Возможно, не в этой и не в следующей жизни...» — сказал горбун. «А жизнью действительно много? — спросила Ева. — Сколько — семь, двадцать одна? Я где-то читала...» Горбун рассмеялся. Он сказал, что это очень трудно объяснить, потому что человеческий разум не приспособлен к такому знанию. «Жизнь одна, но их бесконечно много, — объяснил он. — Это все, что я могу сказать».

Тут Ева вспомнила, как читала в одной книге, что существует такая теория Вселенной, согласно которой в каждое мгновение она рассыпается на бесконечное множество других. Это подобно салюту: взрыв — и в разные стороны разлетаются искры, которые, в свою очередь, тоже взрываются, и каждая образует свой шар из новых искр. Так и с нашим миром: в каждый момент жизни каждый человек может поступить множеством разных способов, и люди, действительно, поступают множеством разных способов, только в разных, всякий раз новых Вселенных.

«Да, одно начало и бесконечное множество финалов. Задача — пройти по правильному пути», — сказал горбун, хотя Ева не рассказала ему об этой теории, а только подумала. Она удивилась, но и в этот раз не придавала этому странному факту никакого значения. Ей было так весело и так интересно общаться с горбуном, что все эти мелочи, казалось, проходили мимо нее. К тому же, горбун снова вернулся к ангелам и стал рассказывать об их сущностях.

Ева спросила горбуна, почему ангелов иногда изображают с мечом. На что горбун ответил, что все дело в восприятии людей. Конечно, у ангелов нет никаких мечей, но люди могут подозревать ангелов в воинственности, потому что те далеко не всегда делают то, что хотят люди. Но этому тоже есть объяснение, ведь желания и «хотения» людей — это иллюзии. Того, чего люди хотят на самом деле, они не знают и знать не могут. Желание их души укоренено в мире Красоты, а в этом мире душа человека хватается лишь за подобия той Красоты...

Когда уже почти совсем стемнело и нужно было расставаться, Ева сказала:

— Мне было очень приятно с вами говорить! Вы удивительный человек! Спасибо! Но знаете, это очень странно...

Она не успела закончить свою мысль.

— То, что я дал вам яблоко? — горбун подхватил ее на полуслове. — Знаю.

Ева смутилась.

— Понимаете, — сказала она, — меня ведь зовут Ева. Ева и яблоко... Вообще, это я должна давать яблоки...

Ева весело рассмеялась своей шутке. Но лицо горбуна, напротив, стало почему-то совершенно темным и грустным. Ева почувствовала себя неловко, смех как будто застрял у нее в горле.

— Это ваше яблоко, Ева, — сказал горбун в следующее мгновение и кивнул в сторону того красного яблока, которое он дал Еве в начале их встречи. — Кому-то вам придется его отдать. Яблоко Евы...

Сказав это, горбун слез со скамейки и, подволакивая одну ногу, пошел прочь, по направлению к храму.

— До свидания! — крикнула ему Ева.

Горбун повернулся, и на мгновение Еве показалось, что мир блеснул множеством красок. Словно радуга обошла ее кругом и распалась на тысячи самых светлых цветов.

— До свидания... — грустно сказал горбун и продолжил свой путь.

Душа любит, когда кто-то рассказывает о ней. Если рассказ более-менее точен, она начинает вспоминать себя-прежнюю, себя в той, другой жизни, себя из мира Красоты, где она когда-то была счастлива. В этот момент ей начинает казаться, что все будет

хорошо, что все несчастья, которые выпадают на ее долю, — это просто мелочи жизни, которые скоро забудутся и покажутся ей смешными. Она очень любит слушать, когда ей рассказывают о ней...

Но подобный рассказ — не праздное развлечение. Хочет душа этого или нет, он налагает на нее тяжкое бремя ответственности. Незнание — это счастливое состояние, кто бы что об этом ни говорил. Незнание, блаженное неведение — это свобода, поскольку нельзя совершить ошибку, если ты не знаешь о том, что правильно, а что нет. Когда же ты узнаешь, что есть и правильное, и неправильное, то оказываешься перед выбором: как поступить? А чтобы поступить правильно, тебе необходимы критерии. Но где их взять?..

Когда душа слушает рассказы о себе, она радуется, веселится, становится легкой, невесомой от счастья и взлетает. Она не понимает, что когда кто-то рассказывает ей об этом, то делает это с какой-то целью — хочет что-то подсказать, на что-то указать, о чем-то предупредить. Но душа не понимает. Она радуется и веселится, а потому гром всегда гремит для нее среди ясного неба...

В том, чтобы убить себя, есть что-то глупое, банальное, нелепое. Но убить свою прежнюю жизнь — это совсем другое дело. Начать новую. С понедельника...

Нелепо и глупо вдвойне. Впрочем, принимая такое решение, ты запускаешь процесс, который теперь уже не в силах, ни остановить, ни просто контролировать. Он идет своим ходом, не спрашивая у тебя ни разрешения, ни тем более благословения. Стоит тебе встать на другую дорогу, и теперь это уже другая игра, другая реальность, другой мир. Как тебе будет в этом мире? Если ты думал, что будет легче, ты ошибался...

Ева проснулась от надсадного, нервного звонка в дверь. Кто-то настойчиво жал на кнопку, словно случилось что-то страшное, требующее незамедлительной реакции. Первая мысль Евы была: «Пожар!» Спросенок ей вдруг представилось, что сейчас она откроет дверь, а там — на лестничной клетке — целая команда пожарных в желто-красных костюмах, в шлемах и с кислородными аппаратами за спиной.

— Глеб? — Ева не могла поверить своим глазам. — Что ты тут делаешь? Который сейчас час?

— Половина второго, — сухо сказал Глеб и, без всякого разрешения, прошел в кварти-РУ-

— Глеб, а-лэ... — недовольно протянула Ева, проводив его взглядом до комнаты. — Второй час ночи. Ты меня разбудил...

— А я из-за тебя не ложился, — резко отрубил Глеб. — А на «а-лэ» ты не отвечаешь.

Тут Ева вспомнила, что она как выключила телефон еще вчера вечером, так и не включала весь день. Но если раньше она почувствовала бы себя неловко в такой ситуации, то сейчас — нет.

— Я, кажется, просила тебя не звонить... — устало сказала она. — Между нами все кончено. Ты разве забыл?..

Ева даже удивилась тому, насколько легко она это сказала. А значит, и правда — между ними, действительно, все кончено. Ева поняла это вдруг, внезапно, как откровение... И испытала настоящий шок. Она никогда бы не поверила в то, что это могло случиться так быстро. И так... безболезненно.

Еще сутки назад это казалось ей это почти невозможным. Решение уйти от Глеба она принимала с такой мукой, с таким предельным напряжением воли. А тут, вдруг, ничего не чувствует, в душе ни малейшего волнения. Одно только недовольство, что он пришел среди ночи, разбудил ее, ведет себя так, будто это его дом.

Понурился головой, но все-таки сдерживая свое нарастающее с каждой секундой раздражение, Ева прошла по коридору и остановилась у двери в гостиную.

— Глеб, уходи... — сказала она.

Глеб сидел на диване. Сгорбившись. Глядя в пол.

— Не уйду, — тихо ответил он, а через секунду, пока Ева набирала в грудь воздух, чтобы послать его ко всем чертям, добавил: — Я больше никуда не уйду. Никуда и никогда. И тебя не пущу.

Ева громко выдохнула, словно у нее внутри, вдруг, лопнул воздушный шарик.

— Что ты сказал?..

Еве почудилось, что ей... почудилось. Как долго она ждала этих слов! Как они были нужны и важны ей раньше! Как она хотела, чтобы Глеб, если и не говорил этого, то хотя бы, время от времени, так думал! Хоть иногда! Но нет, ничего подобного она никогда от него не слышала. Никогда!

— Я сказал, что я не уйду, и ты не уйдешь, — повторил Глеб. — Я люблю тебя. Очень. По-настоящему. Всегда любил. Но боялся тебе признаться. Себе боялся... Боялся, что это правда. Но это правда. Сегодня я это понял. Стал звонить тебе. А телефон выключен. Звоню, звоню... И испугался. Ева, я никогда в жизни так не боялся! Просто до ужаса, до дрожи. Только подумал, что тебя потеряю, прямо упало все внутри! Ева, прости меня! Прости!

Глеб бросился к ней, упал на колени, обнял, прижался... Он дрожал, как осиновый лист. Дрожал от напряжения, от ужаса. Он дрожал и держал ее так, словно боялся, что если сейчас выпустит — Ева пропадет, как мираж, навсегда.

Ева смотрела на Глеба и не могла поверить своим глазам, ушам — ничему. Это был самый настоящий шок!

— Глеб, я не понимаю, что случилось... — только и смогла сказать она.

— Золото мое, я... я... — Глеб разрыдался. — Я виноват. Я подлец... Я подлец... Я столько лет тебя мучил. Измывался... Столько лет! Я знаю, что ты никогда меня не простишь. Никогда. Потому что так нельзя... Нельзя, как я себя вел... Это ужасно. Представить себе не могу, что ты вытерпела! Прости меня, если можешь... Прости! Только не гони, Ева! Христом Богом молю — не гони...

И тут Ева дрогнула. Тень ужаса легла на ее лицо. «Христом Богом молю...» Сегодня Ева приняла решение, сегодня она клялась Богу, что больше никогда не будет с мужчиной. Она обещала, что теперь она принадлежит только Ему, только Богу. И вдруг... Глеб...

— Глеб, — прошептала она, — ты опоздал... Ева взяла его руки, которыми он обвинил ее за талию, и, преодолевая усилие, отняла их от себя.

— Опоздал?.. — Глеб поднял на нее свои заплаканные, свои самые красивые на свете заплаканные глаза. — Ева, что ты говоришь?! Как опоздал?! Почему?..

— Не могу тебе этого объяснить... — Ева отошла к окну и задрожала всем телом. — Просто... Просто мы уже никогда не сможем быть вместе.

— У тебя есть кто-то другой? — Глеб так и стоял на коленях, растерянно глядя на Еву. — Кто-то... Давно?

Еву потрясло то, как он это сказал — потерянно, обескураженно, беспомощно. В его голосе не было и нотки, которая сказала бы о ревности, о неприязни, о негодовании. В нем была только эта потерянность, эта обескураженность, эта беспомощность. Он действительно был раздавлен ее признанием. Он не ревновал, он погибал...

— Да, — пробормотала Ева, не понимая, как она может объяснить Глебу то, что с ней произошло сегодня. — Точнее — нет, — поправила она. — Точнее — не совсем. Точнее — это не то, что ты подумал... Глеб, прости. Правда. Я не могу. Еще сегодня утром могла. А сейчас

уже все, нет, не могу.

— А-а-а!!! — Глеб заорал так, словно на его груди раскаленным железом выжгли огромное клеймо. — Я проклят... Проклят! Проклят!

Ева обернулась и увидела, как Глеб, раздираемый болью, рвет на себе рубаху. Сколько в нем было боли...

Ева бросилась к нему, кинулась, упала перед ним на колени и стала утешать. Словно в последний раз... Словно он уходил на войну или поднимался на эшафот. Она обнимала и целовала его так, словно прощалась с ним перед смертью...

— Глебушка, милый, родной мой... Глебушка... — Ева заливалась слезами. — Не печалься так, пожалуйста! Пожалуйста, не надо! Ты бы все равно не был со мной счастлив... Это тебе сейчас так кажется, что ты что-то ценное потерял.

А это не так. Совсем не так! Я простая. Я обычная. Тебе другая нужна. Та, что тебя любить будет, взамен ничего не требуя. А я ведь требовала... И дальше бы требовала. Я тяжелый человек, Глеб. Тяжелый...

— Господи, солнышко ты мое, да что ты говоришь такое! — Глеб обнимал ее с такой силой, с такой страстностью, что сердце буквально выпрыгивало у Евы из груди. — Ты самая лучшая! Лучше тебя никого нет и не будет никогда! Только ты могла столько вытерпеть... Только ты. Из любви, из сострадания. Ты же видела, что со мной происходит, все понимала... Я же мизинца твоего не стою! Что ты говоришь?!

— То и говорю, Глеб, — шептала Ева, пытаюсь остановить его руки — его любящие, заботливые, нежные руки. — То и говорю... Другая тебе нужна. Другая... Та, что тебя любить будет... А я не любила, нет. Я это тоже только сегодня поняла. Я не любила, а ждала любви, Глеб. А это другое! Это эгоистичное, злое... И я такая, Глеб. Я злая... И я жестокая...

— Солнышко мое, золотце, не наговаривай на себя... — умолял Глеб. — Не наговаривай. Это неправда. Это ты просто из доброты... Из-за доброты своей! Ты не хочешь, чтобы я тебе больно делал, потому что нельзя столько боли терпеть. Нельзя и не выдержишь... И только потому ты на себя наговариваешь, чтобы я подумал, что ты плохая, и ушел. Но я прошу, прости меня... Не гони, Ева. Не гони! Я больше никогда... Слышишь меня?.. Я никогда не сделаю тебе больно! Никогда! Ева! Никогда!

— Нет, Глеб, я тебе правду говорю... — слезы лились у Евы из глаз, слезы страдания и боли. Вся душа ее в эту секунду разрывалась на части. — Ты просто не знаешь, какая я... Не знаешь. Я сегодня тебе с Борисом изменила... Пошла и переспала с ним. Я грязная, Глеб, я плохая. Я порченная...

Глеб продолжал обнимать ее... Он целовал ее в губы, в глаза, в шею... Он целовал ее грудь. Каждой частичкой своего тела Ева чувствовала его страстное дыхание, его прикосновения, его напор... Глеб повалил ее на пол. Ева сдавалась, она не могла противостоять его чувственности. Такому желанному, такому страстному, любящему...

— Не-е-е-ет!!! — заорала Ева в последнюю секунду. — Глеб, нет!!!

Ева вывернулась, оттолкнула Глеба. Как раненая птица, она отползла в сторону и запахла халат.

— Ева, неужели ты меня никогда не простишь?! - застонал Глеб и закрыл лицо руками. — Никогда...

— Лучше б я умерла сегодня... — Ева впиалась себе в волосы и тянула их так, словно хотела вырвать с корнем. — Лучше бы я умерла! Господи, за что?! За что?! Это испытания, да?! Я должна пройти эти испытания?..

— Ева, какие испытания?! О чем ты?! Я тебя люблю! Я просто тебя люблю! Это я, Ева, это я... — кричал Глеб, но Ева его уже не слышала.

— Я пройду, слышишь меня, я пройду! — прошептала она, глядя куда-то вверх, потом повернулась к Глебу и простонала: — Изыди...

Испытания, которым подвергается душа, когда наступает ее время, мучительны. Этого нельзя представить, к этому нельзя подготовиться. Если душа встала на путь своего внутреннего перерождения, ей предстоят поистине адские муки... «И Ад следовал за ним...»

Это иллюзия, что можно взять и выпрыгнуть из своей телесной оболочки, покончить со всем старым, прошлым и начать новое, иное. Это миф. Это только иллюзия. Прежнюю жизнь из перерождающейся души вырывают с мясом, с кровью, тянут за жилы.

И здесь не помогут ни медитация, ни упражнения, ни молитвы. Здесь не пройти проторенной дорогой. Здесь вообще нет никакого обходного пути. Страдание — от края до края. Страдание, льющееся через край. Страдание, которое должно, просто обязано казаться беспредельным и неизбежным.

А иначе... Иначе неправда, игра в поддавки. Если же игра, поддавки, то все придется пройти заново, с самого начала, полный круг. Ни рождения, ни смерти без боли не бывает. А тут и рождение, и смерть. Все вместе, одно с другим, одно к другому.

Если ты решился перепрыгнуть через себя, приготовься сломать себе шею!

Ева не помнила, как Глеб ушел. У нее помутился рассудок. Она стонала так, словно черти в аду живьем сдирали с нее кожу, драли ее баграми, жгли на медленном огне, обгладывали кости. Перед глазами одно за другим проходили ужасающие видения. Ева не могла понять их смысл, как будто запуталась в собственном сне.

Ей мерещились святые мученики, скорбно идущие сквозь бушующее пламя. Ей виделись гневные ангелы, рассыпающие вокруг себя столпы смертоносного огня. Затем звезда упала с неба и, обратив воды в пар, подожгла землю. Покойники встали из своих гробов и орали истошными голосами, рассыпая вокруг себя столпы серы.

Земля стала огненно-красной, словно один гигантский кратер вулкана. Воздух раскалился и плавился прямо на глазах у Евы. Люди металась меж горящих развалин, наскакивая друг на друга с дикими криками и воем. Женщины и мужчины, старики и дети... Время от времени что-то взрывалось, к небу вздымались облака пепла.

Тут же Ева видела перед собой искаженные лица своих прежних знакомых. Она понимала, кто они, но не могла их узнать, настолько они были изуродованы. От невыносимой жары кожа на их телах вздувалась и лопалась, плавилась глаза и горели кости. Стоны и крики слились в один протяжный вой, взрывы стали звучать канонадой.

«Господи, за что?! — закричала Ева, вскинув руки и взывая к багровым небесам. — Как можешь Ты допустить, чтобы твои дети так страдали?! Неужели у Тебя совсем нет сердца?!»

«Я не могу желать им зла, — ответило ей небо, пронзаемое тысячью грозových молний. — Но Я не могу остановить то зло, которое люди делают себе сами...»

«Господи, но почему Ты не научишь их?! Почему Ты не скажешь им, как они должны жить, чтобы не было зла?!» — кричала Ева, силясь перекричать грозových раскаты.

«Это бессмысленно, они не желают слушать...» — ответил голос, и земля под Евой дрогнула, тектонические слои пришли в хаотическое движение.

«Но почему?! Неужели люди не будут слушать Тебя, если Ты заговоришь с ними так, как сейчас говоришь со мной?!» — кричала Ева, чувствуя, что земля ходит под ней ходуном.

«Бессмысленно, — повторил голос. — Бессмысленно. Они все знают и без Меня. Они знают, что должны противостоять злу, а не быть злом. Они все знают, Ева. Ужас в том, что Я

более ничего не могу сказать им. Нет ничего красноречивее ныне, чем Мое молчание. Но даже его они не хотят слышать...»

Тут Ева увидела, что на нее бежит женщина. От нестерпимой жары ее глаза уже вытекли из орбит, волосы горели, подобно факелу, а лопающаяся кожа слезала с ее тела огромными лоскутами. Она орала истошно, а затем, вдруг, остановилась почти прямо напротив Евы, с силой вырвала из своей груди сердце и бросила его в сторону. Она обмякла, села — спокойная и счастливая, как будто собралась собирать цветы на лесной поляне.

Картина была просто безумной. Едва сдерживая подступивший к горлу приступ рвоты, Ева отвернулась. Но зрелище, которое открылось ее взору теперь, было еще ужаснее. Обезумевшие от боли люди бежали, но кто-то споткнулся, упал, а вслед за ним, на него, друг на друга повалились еще десятки других. Их тела, столкнувшись, стали рассыпаться прямо на глазах у Евы, как прогоревшие поленья — на сотни пылающих угольков.

«Господи, но почему?! — закричала Ева. — Почему Ты не заставишь небеса разверзнуться? Почему Ты не прольешь на землю реки воды?! Почему не потушишь этот огонь?! Почему?!»

«То, что ты видишь, Ева, не внешнее, а внутреннее... — печально ответили небеса. — Я могу пролить на людские головы океаны вод, но и капля моей росы не может упасть на их души... От Древа Познания они вкусили плода свободы, и ты видишь, как они распорядились ею...»

Ранним утром Ева, так и не сомкнув глаз, вышла из дома. Наугад она села в какой-то трамвай и, бессмысленно уставившись в окно, доехала до конечной остановки. Там ее попросили выйти, и она пошла пешком. Вероятно, она была в дороге около двух часов. Быть может, чуть больше. И вот, наконец, увидела перед собой стены храма.

Это был хорошо известный в городе женский монастырь — намоленный, святое место. Когда Ева поняла это, ее глаза как-то сами собой намокли от слез. Бог привел ее к дверям своего храма! Она оказалась здесь нечаянно-негаданно, ее словно привели сюда за руку. Да, перед Евой дом, в котором она проведет остаток своей жизни.

И еще Ева внутренне очень обрадовалась, поняв, что этот монастырь — ближайший храм от того места, где вчера ей явился Ангел... А значит, она теперь всегда будет рядом. Сможет ходить туда на службы. Все как-то само собой совпало. Было в этом что мистическое, таинственное и прекрасное. Разомкнутые пути сходятся...

Ева толкнула тяжелую дубовую дверь и вошла внутрь монастыря. Там было тихо, холодно, пусто. И пахло ладаном... Ева прошла по длинному коридору, надеясь отыскать человека, которому она могла бы рассказать о своем желании остаться в монастыре. Но не встретила ни единой души. Словно подземелье, словно место для последнего упокоения.

И тут Ева увидела то, чего никак не ожидала... Не верила своим глазам! Остолбенела.

Перед ней стояла та старуха, которую она повстречала вчера на набережной. Та, которая остановила ее в последнюю минуту перед прыжком с моста, перед смертью. Эта встреча была такой неожиданной, такой странной, что холодок пробежал у Евы по спине. Она остановилась как вкопанная, не зная, что сказать, как себя вести...

— Пришла, дура! — в обычной своей манере заорала на нее старуха. — Пришла ведь! А зачем?! Спрятаться решила?! От себя не убежишь, дура! Нечего тебе здесь делать! В миру дела свои реши для начала, а затем сюда приходи! А пока не решила — нет тебе здесь места! Все! Чего смотришь?! Сказала тебе — пошла вон отсюда! Во-о-он!!!

Старуха орала, трясла руками и, указывая Еве на дверь, топала ногами так, словно ее поставили на раскаленную сковороду.

— Но... — прошептала Ева, осознавая, что ее планам стать монахиней не суждено сбыться. Все ее существо сжалось от ужаса. — Но почему?..

— Ага! — продолжала кричать на нее старуха. — Боишься?! И чего ты испугалась, дура?! Боишься, что в мир надо возвращаться! Значит, ты не к Богу пришла, а от мира своего сбежала! А коли Бог таким твой мир сделал, значит, надо это зачем-то! А ты бежишь! Кого обдурить надумала?! Не-е-е... Бога не проведешь!

— Нет у меня больше дел в мире... — голос Евы, вдруг, стал жестким. — Нет!

От гнева и отчаяния Ева ощутила в себе огромные силы. Почему эта старуха понукает ею?! Как она может ей приказывать? Что она вообще понимает?!

— Это ты у них пойди попроси — нет у тебя дел аль есть... — недовольно проворчала старуха, продолжая указывать Еве на дверь.

Впрочем, старуха явно сразу стала чуть поспокойнее. Она словно испугалась Евы или заметила что-то, чего Ева не поняла.

— У каждого свой крест, — сжимая челюсти, почти проскрежетала Ева. — Если у кого-то проблемы — это его дело. У меня же больше никаких дел в мире... — тут она на секунду запнулась, но исправилась и продолжила: — **В миру нет.** И я не сбежала, я приняла решение уйти. Это разные вещи!

Произнося эти слова, словно стреляя из пистолета с глушителем, Ева все больше и больше начинала верить в собственную правоту. Хватит на нее вешать проблемы всех кого ни по-пада! Хватит! То, что Ева видела сегодня, ее видение разбудило в ней это чувство, подтолкнуло к этим мыслям.

Проще всего занять позицию, что ты отвечаешь за всех людей, с которыми тебя сводит судьба, мучиться этим, переживать за них. Но что, если они сами палец о палец не ударили, чтобы все у них было хорошо?.. Что, если они сами свою жизнь в грязь втоптали?.. Что, если они сами не хотят себе добра?! Что можно с этим сделать?!

Вот тот же Глеб... Да, он замечательный. Да, Ева любила его до беспамятства. Да, она даже была с ним счастлива. Но где он-то был все это время? Где он был?! Почему нужно было ждать столько лет? Зачем он ее так мучил? Как она теперь вообще может ему верить?! Он говорит, что он понял. А что он понял?! Ева все это ему говорила тысячу раз!

И сейчас эта старуха пытается ее убедить, что Ева должна решать какие-то «свои» дела с людьми «в миру». Но у Евы нет с ними больше никаких дел, и если она не хочет иметь с ними дел — все, кончено. Более того, у всех этих «дел», по сути, нет никакого решения. Они никогда не решатся, потому что сами эти люди... наплевали на свою жизнь.

С каждой минутой Ева все больше, все яснее, все четче понимала, что с ней случилось. Она должна раз и навсегда отказаться от мнимой ответственности за других людей. Она должна взять свою, личную, подлинную ответственность за себя. В конечном счете, весь этот мир — это только ее жизнь. Остальные люди живут... в своих мирах.

Ева много раз слышала про теорию, которую называют солипсизмом, — мол, никто из нас не знает, есть ли у другого человека сознание. Не является ли это чужое сознание некой галлюцинацией, плодом ее фантазии, опрометчивым допущением? Да, мы не знаем, живут ли другие люди. Может быть, и нет. Может быть, это только иллюзия.

В конце концов, мы никогда не можем почувствовать боль другого человека. А что, если он и вовсе ее не испытывает, а только изображает, пародирует, играет с нами в такую игру. Откуда мы знаем, что вокруг нас, вообще, живые люди? Что, если все они — нечто вроде «аппаратов», неких «снарядов», чтобы испытывать нас, быть нашим духовным заданием?..

Это кажется полным бредом. Но так может быть. Что, если они не живые?..

Ева сама не заметила того, что погрузилась в свои раздумья, буквально выпала из разговора. Она стояла посреди монастырского коридора как в забытьи, в некой прострации...

— Да, Ева, плохи твои дела... — вдруг сказала старуха. Сказала тихо, спокойно, печально,

без осуждения. Лишь констатация факта. — Хуже, чем я думала... Иди, мать. Иди...

Она махнула рукой, повернулась и пошла прочь. Буквально через мгновение она исчезла. Словно растворилась в холодном, чуть влажном воздухе монастырской кельи...

Момент кризиса... Душа обнаруживает свое полное одиночество. Помещенная в оболочку тела, она лишена своей прежней связи не только с миром Красоты, но и с другими душами. Тело — одиночная камера. Вот почему человек часто с такой неистовой жаждой нуждается в физической близости с другим человеком. Словно он может прорваться сквозь свое тело, через другое тело и коснуться души...

Но, когда душа обнаруживает свое полное одиночество, она перестает верить в то, что у других людей вообще есть душа. В первый миг это «откровение» облегчает ее страдания. Ведь если у других нет души, то о них можно просто не думать. Другие нужны нам только затем, чтобы через их душу ощущать собственную, чтобы дать своей душе жизнь. Если же у других нет души, то все проще.

Можно спрятаться", уйти внутрь себя, жить своим миром, организовать его так, как тебе того хочется, как тебе будет удобно. И ни о ком не думать! Какое счастье... Которое очень быстро оборачивается кошмаром. Это ведь только кажется, что думать о других людях, заботиться о них, переживать за них — это труд. На самом деле, другие люди в жизни человека — это единственная возможность обрести собственный внутренний смысл.

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет...»

Ева вышла из дверей монастыря с четким, ясным, абсолютно осознанным желанием — «завершить все дела» в миру. Действительно, если бы она собралась уйти из мира, она должна была бы снять все связанные с ней вопросы. Передать, так сказать, дела и должность... С работы уволиться, закрыть счет в банке, что-то решить с квартирой. Уходить — так уходить! А то это как-то не по-настоящему, игра какая-то.

В конце концов, старуха, может быть, права... Все нужно делать последовательно. Ева приняла решение посвятить себя Богу. Бог послал ей прекрасного Ангела, принявшего ее обет. Теперь Ева освободится от всего мирского, очистится от житейской суеты. После этого придет в монастырь — не в этот, так в другой, — сменит имя и... Тут мысли ее обрывались, начиналась какая-то пустота.

Там, *за* этим решением, было что-то, чего Ева не могла пока ни понять, ни представить. Само решение — уйти из мира, перестать жить своими чувствами к мужчинам, как это было прежде, посвятить себя своей собственной душе — было Еве абсолютно понятным. Непонятно — что дальше? Как это — жить с Богом, в Боге?.. Но пока не начнешь так жить, не узнаешь. А начать можно, только закончив прежнее.

В Еве появилась какая-то удивительная решительность, какая-то особенная внутренняя свобода, приподнятость духа.

Меньше чем через час Ева входила в здание, где располагался «Центр Модной Индустрии Родиона Шкловского»... Это ее работа, с которой она решила проститься в первую очередь. На входе, правда, ее смутили несколько вещей. Во-первых, рабочие суетились на верхотуре, разбирая стильную вывеску заведения. Зачем Шкловскому это понадобилось? Ребрендинг?.. С чего? Впрочем, какое ей теперь дело?..

Но то, что случилось во-вторых, — было уже по-настоящему странным... С ней подчеркнуто любезно поздоровался охранник, чего раньше никогда не случалось. Более того, он встал, вытянулся и назвал Еву по имени-отчеству: «Здравствуйте, Ева Витальевна! Прошу вас!»

Он проводил ее до лифта, вызвал его, дождался, пока ошарашенная, ничего не понимающая Ева вошла внутрь, и, лишь когда дверцы начали закрываться, одобрительно кивнув головой, вернулся к своей стойке.

«Откуда он знает мое отчество?» — недоумевала Ева, пока ехала на пятый этаж.

Впрочем, когда Ева вышла из лифта, ее удивление стало только расти. Администратор, имени которой Ева никогда не знала, едва завидев ее, радостно закричала и начала прямо прыгать на месте:

Ева Витальевна! — девушка выскочила из-за своей стойки. — Господи, а мы вас обыскались! Какое счастье! Я сейчас сообщу Родиону Аркадьевичу! Сейчас! Минуту! — администратор убежала за стойку и продолжала тараторить уже оттуда: — Он вас целый день разыскивает, Ева Витальевна! Сейчас!

— А что, собственно, случилось? — Ева подошла к столу администратора и заглянула за стойку. — Зачем он меня разыскивает?..

Девушка подняла на Еву глаза и некоторое время смотрела на нее с явным недоумением.

— А-а, я поняла... — неловко улыбнулась она после затянувшейся паузы. — Вы меня разыгрываете! Понятно... Все-все! Поняла! Я звоню... — девушка весело покачала головой из стороны в сторону и продолжила деловито нажимать на клавиши телефона. — Кстати, я вас поздравляю! Да, забыла! Очень-очень! Я так горда за вас!

— Меня? За меня? — глаза Евы чуть не выпали из орбит.

— Ну, конечно! — уверенно сообщила администратор, и тут на другом конце провода ей ответили. — Алё, Ленусь! Да, это я, Кира. Ева Витальевна пришла! — торжественно сообщила она секретарю Шкловского. — Передай Родиону Аркадьевичу! Да, прямо передо мной стоит! Да!

Последние слова были произнесены неизвестной Еве девушкой-администратором с таким восторгом, будто Ева — американская суперзвезда, наподобие Мадонны.

— Кира, успокойтесь, пожалуйста... — строго попросила ее Ева. — Вы мне можете объяснить, что случилось? Я, правда, не понимаю.

— Э-э... — протянула Кира. Больше ее лицо не выражало радости, одна сплошная растерянность. Выждав секунду, она забормотала: — Ева Витальевна, простите меня. Я, наверное, что-то не так сделала или сказала? Извините...

— Кира, что тут происходит? — теряя всякое терпение, отрубил Ева.

— Вы теперь здесь хозяйка... — Кира растерянно развела руками, показывая на апартаменты офиса.

— Хозяйка?.. — рассмеялась Ева. — Нет, Кира. Вы что-то перепутали. Я занимаюсь отдельными проектами, как партнер. Я не работаю у Родиона, чтобы он мог меня повисить...

— Но... — все лицо Киры выразило неловкость, досаду, недоумение. Она чуть помычала, но, не решившись продолжать эту дискуссию, просто спросила: — Ева Витальевна, корреспонденцию вам куда доставлять?..

— Мне? — Ева удивилась. — Корреспонденцию? Вы же знаете, в каком я кабинете обычно работаю...

Ева пожала плечами и быстрым шагом направилась к себе.

Сейчас Ева оформит расторжение контракта с подрядчиком, а потом обсудит это со Шкловским. Благо он уже в курсе, что Ева приехала в офис. Родион, конечно, покричит, как обычно, но потом они «тихо-мирно» разойдутся. Он сразу знал, что Ева долго у него работать не будет. Так что, ничего чрезвычайного... Через пару-тройку часов Ева уже освободит свой кабинет и сама, наконец, освободится от того, что называется «работой».

Рассуждая подобным образом, Ева даже не заметила, как, миновав длинный коридор,

оказалась у двери своего кабинета. Она достала ключ и начала уже открывать замок...

Странный шум заставил ее обернуться. Это Кира, торопясь, гремела огромной тележкой с какими-то конвертами, письмами, бандеролями... Еве, вдруг, почудилось, что Кира направляется со всем этим «богатством» именно в ее кабинет. Она даже думала задать соответствующий вопрос, но не стала.

«Почудится же такое...» — подумала Ева и вошла в кабинет.

— Ева Витальевна, не закрывайте, пожалуйста! — послышался голос Киры.

Ева выглянула в коридор.

— В смысле? — не поняла Ева.

— Это вам почта... — Кира показала на тележку.

— Мне?! — Еве, вдруг, стало дурно.

В этот момент все двери офиса, как по команде, одна за другой стали открываться, а из них, так же одно за другим, появлялись довольные и непривычно любезные лица сотрудников «Центра Модной Индустрии Родиона Шкловского». Не желая привлечь всеобщее внимание, Ева пропустила Киру в кабинет без каких-либо дальнейших расспросов.

— Ева Витальевна, вам лучше разобрать или так оставить? — смущенно спросила Кира.

— Нет, Кира, спасибо, — растерянно ответила Ева. — Я сама справлюсь.

Кира выскочила из кабинета, как ошпаренная. Ева потянулась к первому же письму, торчавшему из тележки. Это было приглашение от одного из модных домов Франции. В следующем конверте — огромный, толстый гляцевый журнал, где на обложке была Ева... Ее презентовали как самого модного современного российского дизайнера одежды. Третье письмо было... от Дениса Ткачева. Она любила его еще в школе, потом их дороги разошлись — он уехал учиться в Америку, Ева поступила в Институт культуры.

«Милая, золотая Евочка!.. Ты, наверное, удивишься моему письму, — Ева на мгновение оторвалась от чтения и взглянула на огромную тележку писем. — Но я решил тебе написать и надеюсь, что ты не сочтешь меня за сумасшедшего. — Ева снова посмотрела на тележку с письмами. — Понимаю, что все это странно. Но я должен об этом сказать. Я люблю тебя, Ева. Любил ли я кого-нибудь еще за эти долгие годы? Нет. С тех пор как мы расстались, я любил и продолжаю любить только тебя! Тебя одну! Ты самый важный человек в моей жизни, самая прекрасная женщина, которую мне только доводилось встречать...»

В дверь кабинета постучали. Все, что Ева смогла сделать, — это только поднять глаза на дверь. Ответить она уже не могла, у нее словно пропал голос. А в голове был туман, как после тяжелого пьяного застолья.

— Евочка, дорогая! — в дверь ввалился увалень Шкловский, счастливый, как опившийся валерьянкой кот. — Наконец-то! А то мы тебя потеряли! Просто потеряли! Ева, а я звоню-звоню... И почему ты сразу ко мне не пришла? Как будто мы неродные! А что ты такая недовольная? Что-то не так?

— Родион, я решила уволиться... — пробормотала Ева сдавленным голосом.

Полноватый, вечно молодящийся Шкловский смотрел на нее испуганным взором секунды две, а то и три. Его лицо успело несколько раз поменять свое выражение, словно не зная, на каком из них следует остановиться, а потом он расхохотался.

— Развела! Вот развела! — он выставил вперед указательный палец и, тыкая им в Еву, восторженно вопил: — А я ведь чуть не купился! Правда! Вот какая, а! Шутки шутит!

— Родион, какие шутки? — Ева попятилась назад. — Я серьезно...

— Да ладно!.. — Родион, очевидно, смутился, но всячески старался не показать этого. — Я не поверю, что ты вот так меня высадишь... Ева, нет. Не может быть... Ты шутишь!

— Я... — Ева не знала, что на это ответить, потому что совершенно перестала понимать,

что происходит. — Родион, ты ко мне шел с какой-то целью, так?

— Ну, конечно... Да, — Родион засуетился. — Вот принес тебе все документы. Цветы. Заносите! — крикнул он кому-то в дверь.

Тут же в этих самых дверях появились «Ленусь» — секретарь Шкловского — и два «добра молодца» с какими-то просто гигантскими, виртуозными букетами, которые напоминали большие карнавальные или даже сказочные шляпы.

— А вот документы... — Шкловский развернул перед Евой большую кожаную папку. — Вот, теперь это стопроцентно «Центр Модной Индустрии Евы Истоминой». Я пока остаюсь генеральным директором, если, конечно... — Шкловский замялся, но быстро взял себя в руки и нарочито весело продолжил: — Ну, я надеюсь, ты пошутила. В общем, я — гендиректор, а ты — акционер. Хозяйка, в общем.

— Хозяйка?.. — Ева снова попятилась, запнулась о стол и, чуть не упав, села в кресло. — Ты меня разыгрываешь, да? Какая я хозяйка? Мы работаем по контракту... Я собираюсь этот контракт...

— Знаешь, Ева! — сказал вдруг Шкловский с интонацией разбитного гуляки. — А давай мы сегодня это дело отпразднуем! Прямо сейчас! Махнем в ресторан... Выпьем! Посидим! Я так по тебе соскучился на самом деле, Ева! Ты себе не представляешь! Ты же женщина моей мечты, на самом-то деле!

— Родион, ты в своем уме?..

— Ева, ну раньше-то я не мог тебе это говорить... — Шкловский начал тут же оправдываться, вид у него был жалкий, а его игра, как ни странно, казалась абсолютно правдоподобной. — Это выглядело бы, что я... Ну, как бы это сказать?.. В общем, служебное положение, то-другое. А теперь, когда мы с тобой в равном положении... Не в равном, конечно, — тут же оговорился он, — ты ведь еще у нас и гений. Ну, по крайней мере, я могу попытать свое счастье. Вдруг, я тебе тоже небезразличен...

Шкловский совсем сдулся и выглядел как жалкий, побитый дворовый кот...

— Этого просто не может быть... — прошептала Ева, глядя в окно. После «откровений» Шкловского ее стало слегка подташнивать. — Этого просто не может быть... Бред какой-то. Или сон. Да, это просто сон. Мне это снится.

Ева тупо уставилась на тележку с корреспонденцией. Потом посмотрела на письмо от Дениса, которое все еще держала в руках, и положила его в сторону.

— Поверить не можешь, да?

— Родион, кто все это устроил? — Ева посмотрела на него. — Всего ты мне, конечно, не объяснишь. Но хотя бы часть... Как случилось, что ты продал свой бизнес? Мне важно понять.

— Ева, ну, тебе, наверное, лучше знать... — Родион, казалось, действительно не знал, что на это ответить. — Это большая покупка. Хорошие деньги. Я даже и думать не стал. Вчера предложили, сегодня с утра все закончили. И я же не знал, что ты покупаешь. Покупала инвестиционная компания... Я много запросил?

— Вчера предложили, сегодня все закончили?! — Ева побагровела от страшной догадки. — Инвестиционная компания?! «Медиал-Финанс Групп»?!

— Ну, конечно, — Родион только и смог, что пожать плечами. — «Медиал-Финанс». Какая еще может быть?

— Бли-и-ин! — Ева схватилась за голову. — Это же Зацепина компания!

— Да, Бориса Зацепина, — покачал головой Родион. — А какая разница? Она же для тебя эту покупку сделала... Или я что-то не так понимаю?..

— Разница?! — заорала Ева. — Какая разница?! Все ты правильно понимаешь, вот в чем проблема! Все правильно! Это Борис купил твою компанию для меня!

Ева вскочила, схватила свою сумочку и, толкнув Шкловского по дороге, пулей вылетела из кабинета. Она неслась со скоростью света. Ей было нужно, во что бы то ни стало, сбежать отсюда, выйти прочь из этого здания, освободиться. Ей становилось в нем душно, как будто жуткий приступ у астматика... Удушье.

Лифт сразу не открыл двери, а Ева не стала ждать. Она бросилась на лестницу и побежала вниз. По дороге она дважды падала, подвернула ногу, но продолжала бежать. Вниз, прочь, на улицу...

На улице, прямо перед выходом, ее ждал Борис. Ева заметила его еще из холла сквозь стеклянные двери.

— Борис, как ты мог?! Зачем?!! — она накинулась на него с кулаками. — Ты с ума сошел?!! Это просто свинство с твоей стороны! Свинство!

— Ева, прости... — Борис принимал ее удары и обвинения без всякого сопротивления, словно был к этому абсолютно готов, словно и не ждал другой реакции. — Прости...

— Простить? — Ева оторопела. — Ты спятил, да?! Ты тратишь несколько десятков миллионов долларов на меня, а потом говоришь — «прости»?! Ты рехнулся...

Ева дернулась, как скаковая лошадь, которую схватили на всем скаку под уздцы. Замерла, одернула пиджак и нервной походкой пошла прочь.

— Ева, прости..

— Да пошел ты! — рявкнула она, не оборачиваясь и сбавляя шаг.

— Ева, ты думаешь, я ничего не понимаю?! — крикнул ей Борис вслед, крикнул так, словно и не рассчитывал на ответную реакцию, крикнул просто потому, что ничего другого ему не оставалось. — Я знаю, что это свинство. Знаю. Но я знаю и другое...

— Что? — Ева остановилась и повернулась к нему. — Что ты знаешь?!

— Я знаю, что ты гордая. По-настоящему. По-хорошему. И ты бы никогда не пошла за меня, зная, что мы неравны из-за этих чертовых денег. Тебе гордость, человеческая гордость не позволила бы. И что мне делать? Скажи?.. Пожертвовать все, раздать? Я могу... Я готов. Просто я подумал, что лучше я тебе половину отдам. Потому что это теперь только твое! — он показал рукой на огромное здание «Центра Модной Индустрии». — И, вдруг, ты согласишься. И тогда ты сможешь любить меня, не думая о том, что кто-то будет думать... Или что я буду думать... Или что ты сама будешь думать, что есть в этом что-то неправильное. Ну, не хочешь... Не хочешь, так давай это все пожертвуем кому-нибудь к чертовой матери!.. А? Пожалуйста... Только не бросай меня... Не бросай. Я не переживу...

Борис тихо опустил на колени. Вокруг шли люди. Одни оглядывались, другие делали вид, что происходящее их совсем не занимает. А Борис так и стоял — на коленях, прямо посреди улицы, понурился голову... словно ожидая своего приговора, высшей и неотвратимой меры наказания.

У Евы затряслись коленки и подогнулись ноги. Она только сейчас поняла, что произошло. По крайней мере, то, что во всем этом безумии связано с Борисом и покупкой для нее «Центра Модной Индустрии».

«Пожертвовать все, раздать? Я могу... Я готов, — крутилось в голове Евы, повторялось отзвуками, словно эхо. — Я знаю, что ты гордая. Ты бы никогда не пошла за меня, зная, что мы неравны из-за этих чертовых денег... Не хочешь, так, давай это все пожертвуем кому-нибудь к чертовой матери!.. А? Пожалуйста... Только не бросай меня... Я не переживу...»

Борис словно заглянул ей в самое сердце. Конечно, Ева никогда так себе это не объясняла. Она говорила себе, что просто не любит Бориса. Но на самом деле, она думала, что никогда не сможет его полюбить. А это разные вещи... Именно из-за этих «чертовых денег».

Но вчера, когда она была у Бориса, Ева поняла, что может любить этого человека. Может!

Сильно, страстно, по-настоящему. И только в последний момент ощущение этого неравенства, этой «неправильности», как сказал сейчас Борис, заставило ее вновь одуматься и передумать. И вновь бежать... Бежать от любви.

А он — Борис — не обиделся. Хотя мог. Имел полное право. Она поступила с ним отвратительно, низко, подло. А он... Он просто взял и совершил поступок. Самый настоящий. Мужской. Еве всегда казалось, что для мужчин, в глубине души, деньги, статус и просто хороший быт важнее, чем любимая женщина.

Любовь для мужчины — что? Увлечение, страсть, развлечение... А деньги и статус — это возможности. Возможность иметь увлечение, страсть, развлечение... Все это хорошо при условии хорошего быта. Поэтому понять мужчин можно. Но Еве было тяжело, когда она понимала эту сторону мужской натуры. Ей становилось невыносимо больно.

Глеб мог месяцами жить за счет Евы — спокойно, без всяких угрызений совести. Он «искал работу». Пока Ева работала, обихаживала его, следила за домом. «Искал работу»... Выпить, загулять с друзьями... Или с подругами. А появлялись деньги — ну и все. Это «его деньги», «как хочу, так и трачу». Ева привыкла. И не ждала другого.

Поэтому поступок Бориса, каким бы глупым, нелепым, дурацким и невозможным он ни казался, был для нее Поступком. Конечно, она откажется от всего, что он для нее сделал. От этой безумной покупки. Но сам факт! Причем, не высказанный, а совершенный. И без всякой уверенности в том, что Ева ответит ему взаимностью...

Не чувствуя себя, Ева пошла навстречу Борису — милому, родному, любимому, замечательному человеку... Она словно шла по воде, в толще воды. Каких-то десять метров, которые разделяли их друг от друга, казались ей длинной, бесконечно длинной дорогой. Такой, какой и должна быть дорога к настоящей любви...

Она дошла, встала рядом с ним на колени... Положила свою голову ему на плечо. Заплакала.

— Ты правда меня *так* любишь?.. — прошептала Ева, чувствуя, как непрошенная слеза сбегает у нее по щеке.

— Правда, — ответил Борис.

Он сказал это так спокойно, так уверенно, так чисто, что Ева расплакалась еще больше. От счастья...

Как же душа мечтает о легком исходе! О том, что все, наконец, решится в какой-то момент само собой, чудесным образом... Она ищет возможность пройти легким путем, не понимая, что легкость — это движение вниз, с горки, под гору. На гору, в гору, вверх — это всегда труд. И если тебе, вдруг, стало легко, спокойно... Если ты испытываешь счастливую беззаботность... Если, вдруг, тебе все стало «ясно и понятно» в этой жизни... ты или достиг просветления, или катишься в пропасть.

То, что мы часто ошибочно принимаем за «белую полосу», — лишь искушение. Искушение — почитать на лаврах. Возможно, для кого-то это и плохая новость. Но кто виноват в том, что правда для человека — это плохая новость? Душа приходит в этот мир работать, в этом смысл. Выходные, перекуры, отпуска случаются. Но «окончательной победы» не будет до той поры, пока весь мир вокруг тебя не переменится. Пока не пробудится последнее живущее существо.

Но ведь так хочется легкого решения! Так хочется понятности! Но есть еще и обязательства. Обязательства души перед миром Красоты. Мы недаром, не просто так, не для развлечения оказались здесь, в наших телах. Тела даны нам для работы. Тот, кто забывает об этом, — обрекает себя на новые круги страдания.

Ты выйдешь за меня? — тихо спросил Борис. Но Ева не услышала. Хотя услышала, конечно, но не поняла вопроса. Она была как во сне, в какой-то прострации. Она наслаждалась чувством

женщины, которую понимают, любят, о которой заботятся. Ева так давно не испытывала ничего подобного! Возможно, никогда не испытывала. И она переживала момент абсолютного блаженства, «женского счастья».

— А, Ева? Выйдешь?.. — повторил Борис.

— Выйти? — Ева словно очнулась от забытья и оглянулась вокруг. — Куда?

— Замуж... — улыбнулся Борис и погладил Еву по голове. — За меня...

— Замуж?.. — Ева сейчас и сама мечтала об этом, но не как о возможном, а как раз наоборот — как о невозможном. Она думала о своем семейном счастье с Борисом как о чем-то прекрасном, чего у нее никогда теперь не будет. Она словно прощалась с мечтой, но без отчаяния, даже без горечи, просто тихо прощалась. — Я не могу...

— Не можешь? — Борис чуть отстранился, чтобы увидеть лицо Евы, чтобы заглянуть ей в глаза. — Но почему?

Ева отняла голову и продолжала смотреть на него все с тем же недоумением.

— Я уже... — Ева не знала, как ей это сказать, как объяснить Борису то, что с ней случилось вчера в храме. — Моя душа принадлежит...

— Душа? — переспросил Борис и тут же облегченно выдохнул. — Я говорю о свадьбе, Ева. О замужестве. Душа — это душа. Если нужно, для тебя я перейду в любую веру...

— Да, — Ева как-то странно качнула головой в знак согласия, — это душа. И она принадлежит Богу.

— На это я и не претендую. Только на руку, — Борис поцеловал Еву руку, — и еще на сердце.

— Ты не понимаешь, Борис. Ты опоздал, — отрицательно покачала головой Ева. — Все принадлежит Богу.

— Ева, ты о чем?..

— Я... — протянула Ева.

Она и вправду не знала, что ответить, как объяснить... Еще секунду назад она мечтала о счастливом браке. Только что она обнимала Бориса и думала о том, какой замечательный поступок он совершил, с каким вниманием он к ней относится. И вдруг, она отказывает ему... Но как она может иначе? Ведь она заключила свой завет с Богом.

И тут случилось то, чего Ева никак не ожидала.

— Ева... — послышалось откуда-то сбоку.

— Глеб... — прошептала Ева, не веря своим глазам.

— Извини, я звонил тебе, — сказал Глеб, глядя на нее покрасневшимися, почти стеклянными глазами. — Ты так и не включила телефон...

Было понятно — он хотел сказать ей что-то совсем другое. Готовился. Но вся эта ситуация... Такая дурацкая, такая неловкая и вместе с тем такая говорящая — Ева обнимает мужчину, стоя вместе с ним на коленях посреди улицы. И потому Глеб стал говорить о чем-то стороннем, словно оказался здесь случайно.

— Глеб, ты все не так понял... — попыталась оправдаться Ева. — Борис... Он...

— Ева, не унижайся, не надо, — попросил Глеб. — Я все понял.

— Глеб, нет! — закричала Ева.

У Глеба было такое лицо, словно он сейчас пойдет и покончит с собой. Прямо где-то здесь же, за углом.

— Ну, все понятно... — сказал Борис, поднимаясь с колен. Его лицо стало непроницаемым. — Ева, ты могла мне так и сказать. Если ты решила к нему вернуться, я это приму. Я пойму.

Теперь Ева стояла перед ними двумя на коленях. И у нее не было ни сил, ни желания

подниматься. Напротив, она хотела лечь, прямо здесь. Лечь вот так и умереть.

— Ева, я включу твой телефон и уйду, ладно? — попросил Глеб и нагнулся, чтобы взять ее сумочку.

Ева не сопротивлялась. Он достал ее смартфон и включил аппарат. Но как только он заработал, пикая, одно за другим на него стали приходить sms-сообщения. Они приходили и открывались в новых окнах... Любовные послания. Одно за другим... Нежные. Страстные. Кто-то писал, смущаясь, кто-то — восхищаясь, кто-то — почти требуя.

Глеб стоял и против воли смотрел на эту россыпь любовных признаний. Смотрел, не в силах оторваться и не веря своим глазам. Откуда ему было знать, что все эти мужчины лишь сейчас поняли, как они любят Еву. Те, что знали ее годы, и те, для кого она была лишь случайной знакомой, сегодня нашли способ сообщить Еве о том, что она лучшая женщина на Земле, и предложить ей все, на что они только были способны.

Нет, Глеб этого не знал. Не знал этого и Борис.

Ревность? Негодование? Презрение? Ничего подобного. Ужас. Один только ужас.

Ужас от сознания того, насколько далека от них теперь та женщина, которую они хотят и не могут заключить в свои объятия. Обнять, чтобы уже никогда не отпускать. Никогда. Потому что она — их счастье. А то, что она их любит или, может быть, когда-то любила, — это то лучшее, что есть или было в их жизни. Самое страшное — терять любовь. И переживали ужас — мужественно, с достоинством, но ужас.

— Что там?! — закричала Ева, увидев, что Борис и Глеб, как загипнотизированные, уставились на экран ее телефона. — Глеб, дай мне сюда!

— Тебе пишут... — пробормотал Глеб. — Тебе пишут, что тебя любят...

Растерянный, раздавленный... Он протянул Еве телефон.

Ева пришла в ярость. Непонятную, необъяснимую, съедающую ее изнутри ярость. Она вскочила, выхватила свой телефон из рук Глеба и со всей силой ударила им об асфальт. Корпус безвинной электронной игрушки разлетелся на мелкие части, но и в таком виде аппарат продолжал надрывно пикать. Признания, просьбы о прощении и приглашения к новым встречам продолжили сыпаться одно за другим.

— Проклятие! — прокричала Ева и опрометью бросилась на проезжую часть.

Зеленый BMW с наглухо тонированными стеклами затормозил перед Евой в самое последнее мгновение. Огромная скорость, дикий скрежет тормозов... Он встал перед Евой как вкопанный. Еще каких-то несколько сантиметров, доля секунды — и он сбил бы Еву насмерть. От ужаса Ева сначала уткнулась руками в капот, но уже через мгновение, словно вытащив себя за волосы из состояния паники, подбежала со стороны пассажирского места, открыла дверь и села внутрь. Еще мгновение, и машина рванула с места.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Когда ты слишком долго и слишком настойчиво просишь Бога о чем-то, Он дает тебе это... Есть, правда, одно маленькое, но существенное обстоятельство: то, о чем ты просишь, станет твоим только в тот момент, когда ты откажешься от намерения иметь это, когда угаснут твои последние надежды. Ты внутренне простишься, расстанешься, оплачешь и отпоешь свои надежды... Все, коней, И то, что ты считал счастьем, будет стоять у твоего порога. И тогда ты узнаешь: то, о чем ты просил Бога, будет твоим вечным проклятием. Бог дает нам не то, что мы у него просим, а то, что Он считает для нас нужным. Но если ты настаиваешь и требуешь чего-то иного...

У Евы текли слезы. Ручьями. Она не могла вымолвить ни единого слова. Что-то промычала водителю, что-то нечленораздельное, страдальческое — «пожалуйста, прошу вас, побыстрее». Красивый молодой парень не потребовал дополнительных объяснений. Он вдавил педаль газа, и машина рванула с места.

Душа Евы выворачивалась наизнанку... Зачем?! Зачем они пришли к ней сейчас?! Зачем?! Дорога ложка к обеду, и все хорошо в свое время! Время разбрасывать камни и время собирать их. Время обнимать и время отнимать объята. Всему свое время! Зачем они пришли к ней сейчас?! Все. Вдруг. Почему?..

Она все для себя решила. Она поняла, что никогда не будет счастлива в своей любви к мужчине. Когда она любит, ее любовью пренебрегают. Когда любят ее, она тяготится этим. Это как какая-то вмененная ответственность — отказаться нельзя, а нести нет сил. Возможно, это правило. Любить можно Бога...

Любовь к Богу — это любовь спасительная. Она освобождает тебя от мук. Ты знаешь, что Бог не желает тебе зла. Ты знаешь, что Он прекрасен. Ты можешь жить этим, наполняя свою жизнь любовью и светом. Это правильное решение. Бог не предаст и не изменит. Бог — это счастье, от которого просто не нужно отказываться...

— Вас как зовут-то? — спросил молодой человек, когда они проехали несколько кварталов. — А то как-то неудобно... Красивая женщина плачет у меня в машине, а я даже имени ее не знаю.

Атлетичный, стройный, голубоглазый блондин доброжелательно улыбался Еве.

— Ева... — ответила она.

— Ага! — расхохотался парень. — А я — Адам! У вас неплохое чувство юмора! Это хорошо. Ева устало улыбнулась уголками губ.

— Не хотите говорить?.. Ева лишь пожала плечами.

— Я вам совсем не нравлюсь?

— Нет, почему? — Ева повернулась к окну. — Нравитесь.

Молодой человек, кажется, не ожидал такого ответа, но ему было приятно.

— Ева, знаете, это так хорошо, что я вас встретил! — сказал он вдруг. — Вы как сели в машину... Я как вас только увидел в этот момент... Знаете, вы как первая женщина в моей жизни! Ну... — он понял, что неловко выразился, и на миг смутился. — Ну, в том смысле, что вы очень женственная такая... Знаете, настоящая. Прямо женщина — Женщина. С большой буквы! Удивительно... Извините, что я вам все это говорю...

Под конец парень совсем смутился. Но это было красивое, искреннее, трогательное смущение.

— Спасибо... — тихо сказала Ева.

— А у Евы не будет яблока для Адама?.. — игриво сказал парень и чуть повернулся к Еве.

Его небесного цвета глаза смотрели на Еву с нежностью. Или страстностью... Еву затрясло.

Она вдруг испугалась.

— Нет, не будет, — строго сказала она. Парень, кажется, разозлился.

— А чё так? — сказал он, и на его щеках мелькнули желваки.

— Остановите, пожалуйста... — попросила Ева.

— Сейчас, остановимся... — прошептал он и увеличил скорость.

Ева услышала, как сработал центральный замок.

— Что вы делаете?! — закричала Ева. Ее душа ушла в пятки.

— Останавливаюсь, — сухо ответил парень. — Тут недалеко.

— Что недалеко?! Останавливайте, я вам говорю!

— Ага... Сейчас...

Машина сделала крутой вираж, развернулась и на огромной скорости влетела во двор старого, заброшенного дома. Ударилась дном о бордюр тротуара, но водитель и не подумал снижать скорость. Ева схватилась за дверную ручку и попыталась на ходу открыть дверь. Но замок не слушался. Парень его, действительно, заблокировал.

— Ну вот и ладненько... — сказал он, затормозив машину в темном дворе.

— Что вы собираетесь делать?! Вы с ума сошли?! Отпустите меня немедленно!

Парень бросил руль и повернулся к Еве. Его почти синие глаза стали холодными, как лед.

— Я тебе нравлюсь, ты мне нравишься, — сказал он, играя желваками. — Зачем эта поза? Зачем эти крики? Тебя никто не услышит и не увидит... А главное, ты же сама этого хотела... Понимаешь, в этом все дело. И я вижу, что ты хочешь.

— Перестаньте и отпустите! — пыталась кричать Ева, но у нее получился только слабый шепот испуганного человека.

Парень поправил спадающие на лицо волосы и приблизился к Еве. Он зажал ее в кресле и использовал какую-то кнопку, отчего спинка ее сиденья резко пошла вниз.

— Что бы ты мне ни говорила, что бы ты там сама себе ни думала, ты хочешь этого, — говорил он, нависая над Евой сверху и раздвигая ей ноги. — Просто тебе нравится быть недотрогой. Дам яблоко, не дам яблоко... Я сам возьму, слышишь?

Это «слышишь» прозвучало для Евы как настоящее, животное шипение... Ева так и не успела понять, когда, в какой момент, этот Херувим, вдруг, превратился в Змия.

— Не-е-ет! — заорала Ева и стала биться всем телом, как рыба, попавшая в сети. — Не-е-ет! Не надо! Я прошу, пожалуйста, не надо! По-жа-луй-ста!

— Надо, надо... — зло шептал он, продолжая делать то, что собирался. — Мы будем заниматься любовью..

Прижав Еву всем своим сильным, мускулистым телом, он ласкал ее грудь и прикусывал шею... Ева чувствовала его запах. Животный, резкий, будоражащий... Она продолжала сопротивляться, но тело ее не слушалось. Он целовал ее губы, но она вывернула голову, сжала челюсти... Он рассмеялся — глухо, тихо, зловеще. И стал ее вылизывать...

У Евы по телу пошла судорога. Страх смешался в ней с возбуждением. Она впилась в его тело ногтями...

— Молодец, давай! — прошептал он ей на ухо. — Боль меня возбуждает... Давай!

Ева высвободила руку и что было силы ударила его по лицу. Он принял удар, улыбнулся с видимым удовольствием и усилил напор.

— Сопrotивляйся, хорошо... — шептал он. — Я люблю, когда непослушны... Давай! Сила на силу... Страдание, которое приносит наслаждение... Давай!

— Не-е-ет! — молила Ева, не чувствуя своего тела, которое, казалось, принадлежало уже не ей, не Еве, а было его — **его**.

Ева начала плакать. Бессильно. От отчаяния, которое заполнило ее от края до края.

Краем уха она услышала хлесткий звук расстегнувшегося ремня, звенящий звук заклепок на джинсах. Потом боль... Рывком он сорвал с нее белье. И проникновение. Сильное, мощное, агрессивное, страстное... Череду жестких, прерывистых, словно забивающих гвозди фрикций.

— Так никогда еще не было, правда? — шептал он, сдерживая дыхание. — Так никогда не было...

Ева бессильно мотала головой из стороны в сторону...

— Так хорошо... — закончил он свою фразу.

И Ева потеряла сознание. Она совершенно не помнила, что происходило дальше. Словно провалилась в пропасть, ступила в бездну... Конец.

Душа хочет любви. Только она не понимает, что такое любовь. В любви ей видится Красота, которой, на самом деле, в ней нет. Это Красота, которую в ткань любви вплетает душа. Красота, которую душа несет в себе как воспоминание о мире Красоты. Несет в себе, проецируя ее на любовь.

А потом наступает разочарование в любви...

Душа перестает любить любовь. Она любит уже только свое воспоминание о любви, но не любовь. И становится черствой. Потому как не важно, есть в любви Красота или нет. Важно, что любовь — это непременно условие, позволяющее видеть ту Красоту, которая заключена в тебе как воспоминание о мире Красоты.

И когда человек отказывается от любви, он падает. Он падает вниз.

Так что же такое любовь?.. Самая масштабная из иллюзий? Бесконечное страдание? Неизбежная ошибка жизни? Нет, любовь — это только матрица. Матрица, на которой может возрасти все то, что в сути своей представляет собой душа человека. Отказываясь от любви, она отказывается от себя.

Отказываясь от себя, душа отрекается от мира Красоты. Даже если ей кажется, что она отказывается от любви, чтобы освободить себя для Него.

Ева очнулась в этом жутком дворе. Она лежала на куче какого-то мусора — в разорванной блузке, задранный юбке. Вокруг темно, никого.

Она встала, кое-как привела себя в порядок и побрела... Ей не хотелось ничего. Ей нужно было просто попасть домой.

Думать о том, чтобы взять машину, она не могла. В общественный транспорт в таком виде... нет. И она шла пешком. В конце концов, ей теперь совершенно некуда спешить. Любая встреча с людьми стала оборачиваться для нее трагедией.

«Что со мной случилось?» — думала Ева дорогой.

Может быть, все дело в том, что она не настояла на своем решении. Ушла из монастыря, и Бог наказывает ее. Она проявила малодушие, пошла завершать свои дела в миру. А какое ей дело до мира, если она решила от него отказаться? Но Бог не может так наказывать... Тогда что это было?..

Глеб... Борис... Родион... Череду этих странных, неожиданных признаний в любви... Наконец, «Адам»...

«Адам познал Еву...» — подумала Ева и почему-то рассмеялась.

Но рассмеялась не как обычно. Рассмеялась, как смеются люди, лишившиеся рассудка. Беззвучно и бесцельно, словно реагируя на чью-то шутку из потустороннего мира.

«Ты хочешь этого, хочешь!» — крутились в ее голове слова «Адама».

Может быть, он был прав? Может быть, ему и нужно, и следовало так поступить с ней? Может быть, она, действительно, этого хотела? Почувствовать себя раздавленной, униженной... Чтобы что-то большое, сильное, чему она не способна сопротивляться, овладело ею и даже убило ее. Ведь она не хочет жить... Может быть, так?..

Нет. А может быть, все-таки, да?.. Наконец, Ева стала думать о том, что такое ее душа. Где она была сегодня — ее душа? Что с ней — с ее душой — происходило? Она жила надеждой закончить то, что связывало ее с этим миром, и *уйти*, чтобы служить Богу, думать лишь о Нем, жить Им. Она жила надеждой, что сможет сбежать...

Так, может быть, в этом ошибка? Может быть, она не должна была бежать из этого мира? Но почему тогда вчера Бог принял ее завет? Ведь Ангел так ей сказал. Впрочем, Ева спросила его — будет ли она счастлива? А он ответил: «Не все так просто, не все так просто». Что он имел в виду? *Это*, или что-то другое?

«Это ваше яблоко, Ева. Кому-то вам придется его отдать. Яблоко Евы...» — прозвучало, вдруг, в ее голове. Чьи это слова? Почему она о них вспомнила? Что они должны были означать? Яблоко... А где яблоко, которое ей вчера дали в храме?! Где это яблоко?! «А у Евы не будет яблока для Адама?»... Еву прошибло холодным потом.

— Девушка! А девушка?! — услышала она сзади. — Это куда это мы идем, такие красивые?..

Ева обернулась. Из палисадника, расположенного рядом с ее домом, выдвинулись несколько мужчин — трое или четверо, она не успела рассмотреть. Она побежала. Сразу. Что было силы...

— Эй! — недовольно закричал один из мужчин. — Я не понял! Слышишь, ты?! Стоять!!!

Они бежали. Ева мчалась к своему подъезду, слыша, как с каждой секундой разрыв с преследователями сокращается. Сердце забило быстро, быстро... Прямо в горле.

«А у Евы не будет яблока для Адама?»...

У подъезда Ева замешкалась, нажимая кнопки домофона. Едва оказавшись внутри, она с силой захлопнула за собой дверь и тут же поняла — они же местные, могут знать код! Она метнулась вверх по лестнице. В уличную дверь тем временем начали агрессивно долбить ногами.

Не дожидаясь лифта, Ева пулей взлетела на свой третий этаж и, долго не попадая ключом в замочную скважину, наконец открыла дверь и заперлась в квартире на все замки. Впрочем, ужас ее не покинул. Ноги дрожали. Руки тряслись. Дыхание сбилось.

Ева села на пол. Прямо в прихожей. И захлебнулась в рыданиях...

Она плакала так, как не плакала никогда в жизни. Она столько лет мечтала о том, чтобы быть любимой. И сегодня ее задушили любовью. Или тем, что называют этим словом... Когда она решила уйти от мужчин, они, вдруг, предложили ей быть любимой.

Почему мужчины просыпаются только тогда, когда уже поздно. «Поздно»... Сколько раз за последние сутки она произнесла это слово — «поздно»? Но ведь она верила, верила, что теперь все изменится. Она передавала себя в руки Бога.

А Бог посмеялся над ней. Над ее желанием бросить все, пожертвовать всем ради Него... Просто посмеялся. Он почти издевался над ней. Он дал ей сейчас то, о чем она мечтала раньше и не могла воспользоваться теперь. Он показал ей то, чем она пожертвовала.

— За что?! — заорала Ева, и ее крик эхом прокатился по пустой квартире. — За что?!!

И тут раздался нервный звонок домашнего телефона. Ева съежилась и решила не подходить. Но звонивший был настойчив. Телефонный аппарат исходил трелями. Потом затих. Видимо, сработало автоматическое отключение звонка. Затем снова... Потом еще раз.

— Алё?... — Ева, наконец, решилась поднять телефонную трубку. — Кто это?..

— Кто-кто?! — резко ответил неприятный старческий женский голос. — Ты почему трубку не берешь?!

— С кем я разговариваю? — попыталась обороняться Ева.

— Ну, дура и есть дура! — с досадой ответила ей старуха. — Какая тебе разница?.. Что это меняет? Я это! Чего еще?! Говоришь ей, говоришь... Никакого проку! Только с моста прыгать да по монашьим кельям шляться! Ты мне, лучше, вот что скажи — это ты серьезно спрашиваешь: «За что?!»? Или опять дурака валяешь?

— Я не спрашивала, — соврала Ева.

— Вот врет и врет! — расвирепела старуха. — И что ты будешь с ней делать! Я говорю — спрашиваешь, она говорит — нет. Ну, дура, да?

— Откуда вы знаете? — Ева не могла понять, как кто-то узнал о том, что она кричала сейчас в своей квартире. Может быть, соседка? Но у нее нет пожилых соседей. — Вы за мной следите?!

— Дура и есть... — обреченно сообщила ее собеседница. — Ты что, в Джеймса Бонда играть удумала? Или как его там... Я говорю, в общем, ты это серьезно у Бога спрашиваешь или просто дурой прикидываешься?..

И тут, вдруг, Ева стала понимать, что сейчас она разговаривает с той самой старухой, которая не дала ей прыгнуть с моста, а затем прогнала из монастыря. Но откуда она знает ее телефон?! Как она звонит ей в квартиру?!

— Перестаньте меня оскорблять, — потребовала Ева, не зная, что ей говорить дальше. — Вы просто не представляете, что со мной происходит! Мне кажется, что я сошла с ума! Это просто ужасно... Ужасно!

— Вот видишь, не хочешь на мой вопрос отвечать... Потому как за глаза Бога обвинять — это всякий горазд. А вот как спросишь, как припрешь к стеночке, и все... Скисла. Так вот, если ты не можешь это сказать во всеуслышание, так зачем вообще об этом говорить? Кого обманываешь? Себя, да? Как обычно все!

— Перестаньте, пожалуйста... — Ева почувствовала, как ее оставляют силы, и опустилась на диван. — Если я не права... Я не права. Я не буду спорить. Знаете, мне сегодня так больно сделали... В общем, какая теперь разница? Скажите, почему Бог меня не убьет, а? Если все со мной так, все неправильно... Почему не убьет?

— А зачем Ему? — расхохоталась старуха. — Ты ж, вечная, во-первых. Да и потом... Это ж тебе нейдет! Это ж ты Его не принимаешь... Его пытаешься по образу и подобию своему построить, а дела-то иначе обстоят. Не Он по твоему, а ты по Его образу и подобию сделана.

Тут настал черед Евы рассмеяться. И она засмеялась — пустым, несчастным, усталым смехом.

— И Он, наверное, такой же несчастный, как я, да?

— Дурой будь, а дурости-то не говори! — жестко оборвала ее старуха. — Если тебя по образу и подобию Божьему сделали, это же еще не значит, что ты и есть этот образ и это подобие! Ты что думаешь — то, что ты собой представляешь, это ты и есть?! Ты же не настоящая! Играешь вечно! Играешь! Играешь, говорю тебе! Стыдоба! Бросить все она ради Бога хотела, пожертвовать ради Него всем! Это же надо! Как ты можешь пожертвовать тем, что Его? Совсем с ума съехала! Он может, ты — нет. Сначала украла что-то, а затем то и пожертвовала. Стыд есть?!

— Вы хотите сказать, что я — это не я? — не поняла Ева. — А кто же я тогда, по-вашему?

— Дура! — отрубил старуха.

— Это я уже поняла, — парировала Ева. — Что значит, я играю? Что значит, что меня по

образу и подобию сделали, а я не оно? Как это?

— Ну ты мозгами-то пораскинь, или тебе все как дитю малому объяснять?..

Ева задумалась. И правда: она — это она, или все-таки она не такая на самом деле? Что-то внутри ее говорило — нет, не такая. Она другая. Другая! Но какая?!

— А какая я настоящая?! — чуть не заорала она в трубку.

— Вот послушай меня... — чувствовалось, что старуха прямо приосанилась там, на том конце провода. — Сделали тебя по образу и подобию, так?

— Так... — согласилась Ева, но тут же оговорилась: — Допустим, что так.

— Тьфу, ты! — рассердилась старуха. — Ну да ладно... «Допустим». А вообще, ты поняла, чего допустила-то, горе луковое?..

— Поняла ли я?.. — переспросила Ева. — Да, я создана по образу и подобию...

— А как ты думаешь, — голос старухи стал заговорщицким, — Бог самоизучением занимается? Ну сидит так, Сам себя исследует, да?

Ева рассмеялась:

— Нет... Нет, конечно! Глупая какая идея.

— А ты?

— Что — а я? — удивилась Ева.

— Ну, а ты сидишь, сама себя исследуешь?.. Самоизучаешь?

— Нет, — Еве эта мысль показалась настолько странной, что она даже отрицательно покачала головой, хотя, понятно, ее собеседница не могла этого увидеть.

— Ага! — крикнула старуха с негодованием. — Врет опять! Врет! Конечно, исследуешь — в каждый уголок своего страдания залезешь, все свои желания и надежды выпотрошишь, каждую, понимаешь, муку промусолишь так, что места живого не останется! Ты постоянно лезешь в себя! Лезешь! Люблю — не люблю, надо — не надо, хочу — не хочу, буду — не буду. Дура! В этом беда-то! Не поняла?..

— Извините... — Ева оторопела. — Вы хотите сказать, что я не могу быть собой, потому как я постоянно думаю о том, какая я?

— Не какая ты, а что с тобой! Усекла разницу-то?!

— Кажется, да...

Еву как будто поставили под контрастный душ: «Не какая ты, а что с тобой»...

— Жалеешь себя, — монотонно твердила ей старуха. — Мечты свои лелеешь. Разочаровываешься и своим разочарованием упиваешься. Глупостей наделаешь, потом в слезах сидишь. Ну где тут образ и подобие?! Нигде! Бутафория одна! Иллюзионизм... И кто виноват?! Когда ты яблоко рвала, дура, ты ж познать себя решила. От Древа Познания. Ты уже была по образу и подобию... А захотела узнать — как это? Но Бог разве будет думать о том, какой Он? А ты решила, что тебе можно... Вот и отвалилась, дура! Отлетела в сторону, как черт от ладана! Вместо того чтобы быть, стала думать о том, как быть. Вот и получила на орехи! И мало еще! Будь моя воля, я б тебя...

— Пойдите! — закричала Ева.

— Посидеть можно?.. — проворчала старуха. — Меня ноги не держат. Пойдите ей, понимаешь...

— А как же этот принцип — «познай себя»? — продолжала Ева, не обращая внимания на это старческое брюзжание.

— А как же — «быть собой»? — завопила в ответ старуха. — Ты, мать, определись! Как ты душу познаешь? Вот дура! Полет птицы описать можно, но познать — нет. Ты или птица — или нет! А красоту цветочка полевого — как ты познаешь?! Никак. Ты или видишь его, или нет! Душу нельзя познать. А кто пытается — тот описывает. А кто описывает — тот не живет. Тот

выдумщик. Сидит и выдумывает себе все! Дурака валяет...

— Стойте-стойте!

— Да сижу я! Сижу, тебе говорят! Никуда не деваюсь! Тьфу! — старуха даже выругалась.

— На диване. Как и ты.

— Как и я?..

— Да, ты. Ты... Ты... Ты...

Ева вдруг поняла, что в трубке нет никакого голоса. Просто короткие гудки.

— И Ангела своего навести в больнице-то,

— услышала она в последнюю секунду. — Помирает он... Пи... Пи... Пи... Попрощалась бы... Пи... Пи... Пи... И яблоко верни... Пи... Пи... Пи...

— Мой Ангел?! Умирает... Почему? Как?.. Не может быть!!! Нет!!!

Понимает ли душа, отлучившая себя в одиночество, что она постоянно разговаривает сама с собой? Даже то, что ей кажется разговором с другими людьми, — есть лишь части ее собственного монолога. Она не слышит других, потому что отказалась от них. Она отказалась от них, защищая себя. И не понимая, что это никакая не защита, а самый настоящий приговор. Ее приговор. Приговор ей...

Замкнутая в самой себе, душа не видит и не понимает, что ее отношения с Богом — только иллюзия. Не она вступает с Ним в отношения, но Он находится в отношениях с ней. Всякие попытки души взять на себя роль ведущего в этих отношениях — это шаг к тому, чтобы уйти, нарушить связь. Ей кажется, что она идет «к», а она идет «от». Она пытается понять себя, вместо того чтобы быть собою.

Быть собой — это быть в Боге, быть его образом и подобием. Но как только начинается анализ, как только душа пытается «выделить» себя из пространства Духа, противопоставить себя ему и таким образом самоопределиться, она перестает быть и Бог умирает... для нее. Человек может познавать себя как психическую машину, это даже необходимо. Но познание души — это табу.

Душа имеет жизнь вечную. А Вечное не понять временным. Никогда.

Ева вскочила с дивана и как ошпаренная бросилась в кухню... Прямо в центре ее стола лежало... яблоко. Ее яблоко. Яблоко, которое ей вчера подарил горбун. Красное. Кроваво-красное. Сейчас особенно красное. Оно прямо налилось кровью. Словно было — самой кровью.

Ева схватила яблоко и бросилась к двери. Не раздумывая ни секунды, она выскочила на лестничную площадку и понеслась вниз. Выскочила на улицу и наткнулась на пьющих пиво мужчин, которые совсем недавно бежали за ней.

— Пришла! Гляньте! — заорал один из них, сопровождая свою речь многоэтажным матом.

— Вернулась! — подхватил второй.

Ева вздрогнула. Хотела пробежать мимо...

— Куда же ты, красавица?! — заорал третий.

— Отстаньте от меня! — бросила им Ева.

— Вот сучка... — прошипел четвертый. — Сейчас отстанем...

Ева почувствовала, как кто-то схватил ее за руку и дернул. Другой со спины взял в клещи.

— Нет!!! — заорала Ева. — Помогите!!!

— Молчи, сука!

Ей заткнули рот. Она попыталась укунить руку, но тут же получила мощный удар в живот и стала задыхаться. Еву поволокли в палисадник. Она вырывалась, сопротивлялась... Но все было тщетно. И каждая ее попытка вырваться сопровождалась новой серией ударов.

Дальше Ева слышала только звук сирены «скорой помощи». Надрывный, истощный, пугающий звук...

Ева очнулась в реанимации. Очень хотелось пить. Она с трудом сглотнула слюну засохшим ртом. Белый потолок. Абсолютная тишина. Только ритмичный звук работающих дыхательных аппаратов и, время от времени, странное глухое пиканье медицинских приборов.

Жива. Ей снова спасли жизнь. Зачем?..

Ева чуть повернула голову и увидела... На соседней реанимационной койке с высокими бортами лежал Горбун, а на столике между ними ее — Евы — яблоко. Горбун был бледен, словно полотно. Утыканный несчетным количеством каких-то трубок и датчиков... Несчастный и жалкий.

— Привет... — тихо прошептала Ева, поднимаясь на локтях. — Ты меня слышишь?

Никакой реакции. Ева сделала над собой усилие, поднялась и села. Все ее тело ломило от боли. Она была словно кожаный мешок, до отказа наполненный переломанными костями.

— Привет... — снова позвала Ева. — Горбун...

Он открыл глаза и увидел тот же белый потолок.

— Привет... — ответил он одними губами.

— Я принесла тебе яблоко... — прошептала Ева.

— Зачем?.. — спросил горбун.

Его уродливое, бледное лицо не выражало никаких эмоций.

— Не знаю, — призналась Ева. — Просто мне кажется, что я должна это сделать...

— А ты знаешь, что такое *это* яблоко?.. — едва улыбнулся горбун.

— Мне кажется... Это плод Древа Познания, да?

— Да, — ответил горбун. — И ты держишь его у себя... Познаешь себя...

— Ты недоволен этим? Тебе кажется это неправильным?.. Но скажи, скажи! Почему я не могу познать свою душу?! Почему?! Может быть, именно это и нужно! Может быть, именно это!

— Читала ли ты Апокалипсис?.. Знаешь ли ты последний завет?.. — тихо прошептал горбун и забормотал: — «И голос, который я слышал с неба, опять стал говорить со мною и сказал: пойдй, возьми раскрытую книжку из руки Ангела, стоящего на море и на земле. И я пошел к Ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед. И взял я книжку из руки Ангела и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем. И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах и языках и царях многих».

И Ева тут же вспомнила свой вопрос, который задавала старухе: «А как же этот принцип — "познай себя"?». И ее недовольный, резкий ответ: «А как же — "быть собой"?» Это как раз то, что сейчас говорил ей горбун. Этот образ с книгой, книгой Господа, которую надлежит съесть, — «она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед». Что говорит Господь — непонятно уму, но понятно сердцу. Праздник Преображения Господня... «У Бога для каждого из нас свой шифр». Он говорит! С каждым! Но как, через что, через кого?.. Впрочем, разве можно услышать этот голос, если ты занимаешься собой, погружен в себя?..

Ошарашенная этим прозрением, Ева невольно посмотрела на яблоко.

— Пока оно у меня, я познаю только себя...

«Это ваше яблоко, Ева, — вспомнила она слова горбуна, которые он сказал ей в самом конце их первой встречи. — Кому-то вам придется его отдать. Яблоко Евы...»

— Ах, вот что ты имел в виду! — воскликнула Ева. — Я должна отдать это яблоко, чтобы не мне познавать себя, а кто-то мог познать меня, да?!

— Да... А ты не даешь, — голос горбуна становился все тише и тише. — Никого не пускаешь. Даже меня...

— Тебя?.. — не поняла Ева. — А я должна была сразу отдать его тебе?..

— Никого не пускаешь... — повторил горбун, словно не слышал ее слов. — Никого... А ведь так мало нужно... Просто заглянуть в глаза. В них все. Но ты боишься... Потому что в отражении чужих глаз ты увидишь свою душу.

— Любых?.. Каждого?.. — Ева действительно испугалась, подалась назад.

Она все поняла. Все!

— В глазах любви... — и горбун улыбнулся слабой, едва-едва заметной улыбкой прощающегося навсегда человека. — В глазах любящего...

Душа боится отдать кому-либо это право... Боится отдать право познать себя. Она держит это право при себе. Словно скупой рыцарь, чахнет над этим богатством. Познать себя она не может, ведь это против правил, против сути ее отношений с Богом. Но дать познать себя другому... Ей страшно. Ей чудовищно страшно. Но что ее пугает?.. Почему?!

Вдруг она плохая? — вот что пугает ее. Она говорит, что дело в угрозе, которую таят в себе другие. Что, мол, они воспользуются, обманут, предадут. Но это лишь ширма, лишь оправдание ее истинного страха. Она боится, что она плоха сама по себе и кто-то это увидит, узнает... Это ее истинный страх.

Но что такое этот страх, если не недоверие Богу? Она — Его образ и подобие, микромир в Его макром мире. И когда она подозревает себя в том, что она дурна сама по себе, когда она сомневается в самой себе, это она говорит... о Нем! Недоверие Богу, высказанное отказом от души собственной, — вот что такое вкушенный плод с Древа Познания. Чудовищный, жуткий, постыдный... Первородный грех.

Любовь — это не грех. Любовь — это искупление греха. Но лишь та любовь, когда ты видишь свою душу в любимых глазах...

Сердце Евы замерло. Остановилось. Она поднялась, сделала шаг и вложила свое яблоко в ладонь горбуна. Он открыл глаза и принял его обездвиженной рукой. И их взгляды встретились. Пересеклись. Как два луча света сошлись друг с другом.

Ослепительное сияние... Мириады звезды взорвались изнутри и рассеялись по бесконечности Вселенной пространством света. Ева видела перед собой того самого Ангела, что явился ей в церкви. Его горб расправился, освободив два огромных, снежно-белых крыла...

— Это ты?.. — не поверила своим глазам Ева. — Ты...

— Это ты... — засмеялся Ангел. — Наконец, ты должна в это поверить...

— Я... — прошептала Ева, замороженно наблюдая за тем, как миллионы оттенков радуги окружают ее со всех сторон, образуя небесный свод. — Как красиво... Как красиво, Господи! Как красиво!

— Прощай, Ева! — крикнул ей Ангел и стал удаляться куда-то в бесконечность света. — Прощай!

— Ты уходишь?! — закричала ему Ева. — Ты умираешь?! А как же я?! Постой!!! Нет!!!

— Я возвращаю тебя к жизни, — рассмеялся Ангел. — Только, пожалуйста, будь... Просто будь, ладно?.. Я люблю тебя, Ева! Прощай!..

Ева зашлась в крике, но голос застрял у нее в горле. Ева словно задохнулась, словно вынырнула из-под толщи воды, пытаясь схватить ртом воздух.

— Хорошо! Получилось! — кричал чей-то мужской голос. — Пульс есть! Дефибриллятор убрать! Еще два кубика адреналина!

Ева открыла глаза. Кругом суетились люди в белых халатах. Но это было другое помещение...

— Что со мной? — прошептала она. — Где я? Почему мне так холодно?

— Тихо, тихо... Берегите силы, — тревожно сказала медсестра, поправляя ей голову.

— Ничего-ничего... Теперь уже все будет хорошо, — сказал тот самый мужской голос.

— Как скажете, доктор, — улыбнулась ему медсестра и отошла чуть в сторону. — Вы же у нас волшебник...

— Вы ничего не помните? — над Евой склонился пожилой врач с черной трубкой фонендоскопа.

— Нет...

— Как прыгнули с моста, тоже не помните?

— Нет.

— Вы прыгнули... — сообщил он, и по его лицу было件нятно, что он считает этот поступок, мягко говоря, сомнительным и недалевновидным. — Вас чудом спасли, моя дорогая. Кажется, вы совершенно не умеете плавать...

— Не умею.

— Жизнь — это не то, с чем можно играть, — доктор вставил фонендоскоп в уши и приложил его к сердцу Евы. — Жизнь — это то, в чем нужно *быть* по-настоящему, — говорил он, вслушиваясь в то, как бьется ее сердце. — Понимаете? Всякий раз, когда человек допускает эту ошибку и, вместо того чтобы жить, валяет дурака, он убивает свою душу. Не делай этого, дочка. Душа бессмертна...

Пожилой доктор улыбнулся, погладил Еву по голове и пошел куда-то по своим важным врачевным делам.

Ева закрыла глаза. И снова погрузилась в небытие.

Только сейчас она видела уже не ужасы жизни, а Красоту небесного свода, который как бы вывернут внутрь. По нему в своих прекрасных, удивительных колесницах кружили боги...

Жизнь.